

ВОСЕМЬ ДОМОВ

О К С А Н А В О Л К О В А

Оксана Волкова

Восемь домов

«Автор»

2026

Волкова О.

Восемь домов / О. Волкова — «Автор», 2026

За три дня до свадьбы архитектор Алиса поднимается на крышу и встречает там фотографа. Он снимает дома, которых скоро не станет. Из его сумки выпадает старый снимок: пустое поле, недостроенный дом, координаты и одно слово на обороте — «Первый». Домов восемь. Их построила одна женщина и ушла из каждого. Она умерла восемь лет назад, и всё это время Марк не может найти последний. Вместо свадебного салона Алиса садится к нему в машину. Но чем ближе они подходят к восьмому дому, тем яснее: кто-то давно знает, что они придут, и шаг за шагом ведёт их туда сам. Психологическая драма с загадкой о выборе, доверии и цене ожидания, которое может длиться всю жизнь.

© Волкова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек на крыше	5
Глава 2. Возвращение	12
Глава 3. Дом, который не построили	18
Глава 4. Продолжение поиска	23
Глава 5. Попытка отменить	29
Глава 6. Конфликт	34
Глава 7. Без дверей	39
Глава 8. После неё	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Оксана Волкова

Восемь домов

Глава 1. Человек на крыше

Свадебное платье не было приспособлено для лестниц.

Алиса поняла это на четвёртой ступеньке.

Подол цеплялся за металлические края. Каблук скользил. Белая ткань собирала серую пыль так быстро, будто знала, что через три дня ей быть безупречной.

Алиса подняла платье одной рукой и полезла выше.

На шестой ступеньке она отметила, что угол лестницы сварен криво. И только поднявшись ещё на пролёт, поняла, что опять думает как архитектор.

Внизу играла музыка. Та самая, под которую через три дня ей идти к алтарю.

Служебная лестница пахла пылью и краской. Одна и та же композиция звучала снизу четвёртый раз подряд, обрываясь на середине.

На площадке восьмого этажа стояло ведро с застывшим раствором. Алиса обошла его.

Дверь на крышу была приоткрыта. Из щели тянуло холодом.

Она толкнула её плечом.

Крыша оказалась больше, чем можно было предположить снизу. Плоская, засыпанная серым гравием, с трубами вентиляции и низким парапетом по краю. Город лежал внизу, уже включивший фонари, но ещё светлый.

На краю крыши, у самого парапета, стоял человек и смотрел вниз.

Он не слышал, как она поднялась.

Алиса застыла в дверях.

Секунду ей казалось, что сейчас случится что-то, чего нельзя будет отменить. Она не думала — тело само сделало полшага вперёд.

Потом человек шевельнулся, поднял руку, и она увидела: у него камера. Он не стоял на краю. Он снимал с края. Штатив, тёмная куртка, объектив, направленный куда-то в сторону соседнего дома.

Алиса выдохнула.

Она сделала ещё несколько шагов и остановилась. Первый раз за день никто ничего от неё не хотел.

Она посмотрела на трубы, на парапет, на то, как поставлены вентиляционные короба. Их развернули не по ветру, а по удобству монтажника — так, чтобы не тянуть лишний метр воздуховода. Через две зимы забьёт снегом. Она подумала это раньше, чем успела не думать. Так работал её глаз: он мерил и отмечал, даже когда её об этом никто не просил, даже когда это было совершенно ни к чему — например, сейчас, вечером накануне, на чужой крыше, в белом.

— Извините. Вы в кадре.

Голос был спокойный, без раздражения. Возле дальней трубы стоял человек. Тёмная куртка, штатив, камера. Он смотрел не на неё, а в видоискатель.

Алиса не сдвинулась.

— Вас не удивляет, что я в свадебном платье?

— Удивляет. Оно белое.

— И что?

— Стена серая.

Он наконец опустил камеру. Лет тридцать пять, может, больше. Небритый. Смотрел прямо, но без интереса, как смотрят на дерево, которое встало между объективом и объектом.

Алиса отошла на два шага в сторону.

— Так?

— Так.

Он снова наклонился к видеоискателю.

Щёлкнул затвор. Потом ещё раз. Он передвинул штатив на полметра влево, присел, посмотрел снизу, поднялся, вернул штатив обратно.

Алиса стояла и смотрела.

— Что вы снимаете?

— Стену.

— Это интересно?

— Было. Пока вы не встали.

Она усмехнулась. Первый раз с утра.

Стена, которую он снимал, была торцом соседнего дома — глухая, в тёмных потёках, с зарисованным углом. Ничего.

— И зачем она вам?

— В среду её снесут.

— И поэтому вы поднялись на девятый этаж.

— Да.

— В четверг вы бы уже опоздали.

— В четверг там будет площадка и забор.

Он говорил так, будто объяснял расписание автобусов. Алиса подошла ближе — на личное расстояние, но так, чтобы видеть экран.

На экране была стена. Просто стена. Без людей, без неба, без ракурса. Она занимала весь кадр.

— Кому это нужно?

— Пока никому.

— А потом?

— Потом дома не будет, а снимок будет.

Он выпрямился и посмотрел на неё — теперь уже на неё.

— У вас тушь.

Алиса провела пальцем под глазом. Посмотрела на палец.

— Спасибо.

— Не за что.

Он вернулся к камере.

Ветер тянул с востока, ровный и холодный. Платье было без рукавов. Алиса обхватила себя руками и подошла к парапету.

Парапет был низкий, ей чуть выше колена. Кирпич сверху выкрошился, обнажив старую кладку. Она провела рукой по краю — шов был широкий, миллиметров двадцать, вместо десяти. Кто-то работал быстро и на глаз.

Алиса открыла клатч.

Внутри лежали телефон, ключи, помада, которую она не открывала, и рулетка.

Она вытянула ленту, приложила к шву, посмотрела. Двадцать два.

Отпустила. Лента с треском ушла обратно в корпус.

— У вас в сумке рулетка.

— Да.

— На свадьбе.

— Свадьба завтра.

— Всё равно.

— Она всегда там.

Он ничего не сказал. Просто посмотрел на неё чуть дольше, чем до этого, и опять отвернулся к экрану.

Алиса убрала рулетку и защёлкнула сумку.

Внизу, у входа в здание, стояли машины. Кто-то выгружал белые коробки. От двери к дороге тянули провод. Отсюда всё это выглядело аккуратным и небольшим, как макет, который можно накрыть ладонью.

— Вы это тоже снимаете? — она кивнула вниз.

— Нет.

— Почему?

— Оно никуда не денется.

Она подумала.

— То есть вы снимаете только то, что исчезает.

Он не ответил. Щёлкнул затвор.

— А то, что остаётся? — спросила она.

— Его снимут другие. И потом. У остающегося всегда есть завтра.

— А у этой стены нет.

— У этой стены есть только я. Сегодня.

Он сказал это без всякого нажима, буднично, как говорят о том, что давно решено и не обсуждается. Но Алиса вдруг поняла, что это самое живое, что она слышала за весь день. Человек поднялся на девятый этаж ради глухой стены, которую завтра не будет, — потому что больше некому. И в этом было больше смысла, чем во всём, что происходило внизу.

— Это была не критика, — сказала Алиса.

— Я знаю.

Дверь на крышу хлопнула.

Ник вышел не сразу — сначала в проёме появилась рука, придержавшая створку, потом он сам. Пиджак был расстёгнут, галстук ослаблен. Он оглядел крышу и пошёл к ней.

— Ты почему не отвечаешь?

— Телефон в сумке.

— Я звонил четыре раза.

— Значит, я не слышала.

Он подошёл вплотную. Снял пиджак и накиннул ей на плечи, поправил на воротнике, разгладил ткань ладонями.

— Ты ледяная.

— Немного.

— Тебя внизу ищут. Все.

— Я вышла на десять минут.

— Двадцать пять.

Он сказал это без упрёка, как факт. У Ника всегда были цифры.

Он посмотрел на её ноги.

— Подол.

Алиса опустила глаза. По белому шёл серый след — гравийная пыль, тонкой полосой в ладонь шириной.

— Отчистится.

— Не отчистится. — Он присел и попробовал стряхнуть пыль пальцами. Полоса стала шире. Он выпрямился. — Ладно. Утром решим.

— Ник.

— Что?

— Ничего.

Он заметил человека у трубы. Посмотрел на камеру, на штатив, потом снова на Алису.

— Это кто?

— Не знаю.

— Ты стоишь тут двадцать пять минут с человеком, которого не знаешь.

— Я стою тут с человеком, который снимает стену.

Ник помолчал. Потом усмехнулся — коротко, без злости.

— Хорошо.

Он взял её сумку, открыл, достал телефон и вложил ей в руку.

— Держи при себе. Просто на всякий случай.

В сумке звякнула рулетка. Ник заглянул внутрь.

— Это ещё зачем?

— Она там лежит.

— Завтра не бери. — Он вынул рулетку и опустил в карман брюк. — Потеряешь.

Алиса смотрела на его карман. Потом кивнула.

— Пойдём вниз, — сказал он. — Твоя мама уже дважды спрашивала, где ты. Я сказал, что ты примеряешь туфли.

— Я не примеряю туфли.

— Я знаю. — Он тронул её за локоть. — Просто это проще, чем объяснять.

Он пошёл к двери и придержал её.

Алиса не сдвинулась с места.

— Иди, я через минуту.

— Алиса.

— Минуту.

Он посмотрел на неё, потом на человека с камерой. Потом на часы.

— Хорошо. Я жду на площадке.

Дверь закрылась.

Стало слышно ветер.

Алиса стояла, придерживая на плечах чужой пиджак, который был ей велик и пах чужим одеколоном, хотя она знала этот запах два года.

— Он не злой, — сказала она вслух.

Человек у трубы разбирал штатив. Он не поднял головы.

— Я и не спрашивал.

Алиса засмеялась — неожиданно для себя, коротко и слишком громко для пустой крыши.

Он сложил ноги штатива, обмотал ремень вокруг корпуса камеры и убрал всё в сумку. Движения были заученные, без единого лишнего.

Когда он застёгивал боковой карман, оттуда выскользнул листок и лёг на гравий лицом вниз. Марк не заметил. Он поднял сумку, проверил замок.

Алиса подошла и подняла листок.

Это была фотография — старая, с загнутым углом, напечатанная на матовой бумаге. На ней был дом. Недостроенный, в один этаж, с проёмами без рам. Свет на снимке был утренний, косой. Дом стоял один, без забора, без соседей, посреди пустого поля.

Она перевернула карточку.

На обороте, синими чернилами, торопливым наклонным почерком было написано одно слово и одна строчка цифр под ним. Слово Алиса прочитать не успела — Марк обернулся.

— Это ваше, — сказала она и протянула фотографию.

Он посмотрел на снимок в её руке. Секунду не двигался.

— Оставьте, — сказал он. — У меня их много.

— Вы уверены?

— Их восемь.

Он сказал это так же, как всё остальное, — ровно, без веса. Развернулся и стал сматывать провод, которого там не было. Просто чтобы не смотреть на неё.

Алиса опустила фотографию в сумку, к рулетке.

— Вы всё?

— Свет ушёл.

Она посмотрела на небо. Оно было ровным и серым и, на её взгляд, не изменилось ни на сколько.

— А что было пять минут назад?

— Пять минут назад была тень от той трубы. Теперь нет.

Он поднял сумку на плечо.

— Завтра будет то же самое.

— Завтра не будет.

— Почему?

— Дождь.

Алиса посмотрела на него.

— Завтра не будет дождя.

— Будет. С утра.

— Мне обещали ясно. Мне это обещали три раза.

— Значит, ясно, — сказал он и пошёл к двери.

Она смотрела ему в спину.

— Подождите.

Он остановился.

— Вы снимаете только пустое?

Вопрос вышел не таким, каким она его думала. Он получился грубее.

Человек постоял, глядя куда-то мимо неё, на серый торец дома, который снесут в среду.

— Пустое стоит спокойно, — сказал он. — Оно не двигается и ничего не просит.

— И всё?

— И всё.

Он открыл дверь.

— Марк, — сказал он, не оборачиваясь.

И ушёл вниз.

Алиса осталась одна.

Она подошла к парапету и ещё раз провела рукой по краю. Кирпич был холодный и мокрый от вечерней сырости. Двадцать два миллиметра. Никто, кроме неё, этого никогда не заметит. Дом простоит так восемьдесят лет, и всё будет нормально.

Внизу, у входа, выгрузили последнюю коробку. Хлопнула дверь машины. Кто-то смеялся.

Она сняла с плеч пиджак, свернула его и перекинула через руку.

На площадке восьмого этажа Ника не было.

На девятом её ждала Рита — сидела на подоконнике в туфлях, снятых и поставленных рядом, и жевала что-то из фольги.

— Живая?

— Живая.

Рита посмотрела на подол.

— Ох.

— Я знаю.

— Ник видел?

— Видел.

— И?

— Сказал, утром решим.

Рита спрыгнула с подоконника, влезла в туфли и взяла Алису под руку.

— Ну и ладно. Слушай, там уже всё расставили, там очень красиво, серьёзно, я не подлизываюсь. Твоя мама плакала над салфетками.

— Над салфетками?

— Они с монограммой. Всё, идём, идём, тебя правда ищут.

Они шли по коридору. Стены были свежепокрашенные, ещё пахли. В конце коридора горело большое окно, тёмное и уже почти зеркальное.

— Осталось потерпеть один день, — сказала Рита. — Один. И всё, ты свободный человек.

— Потерпеть?

— Я в смысле — суета, эти все. Ты поняла.

— Поняла.

Рита ушла вперёд, к дверям зала, откуда снова пошла музыка — та же композиция, снова с начала.

Алиса остановилась у окна.

В тёмном стекле стояла женщина в белом платье с серой полосой по подолу, с чужим пиджаком на руке.

Женщина была совершенно спокойна. Это и было самое страшное. Не то, что она устала. А то, что ей было всё равно.

Она вошла в зал, где всё уже стояло на своих местах.

Столы были расставлены полукругом, стулья затянуты белым, на каждом — бант, завязанный одинаково. Мать стояла в центре и держала в руках две салфетки, почти неотличимые.

— Вот ты где. — Она оглядела дочь и, конечно, увидела подол. Но сегодня не сказала о нём. Сегодня было другое. — Смотри. Слоновая кость или шампань?

Алиса посмотрела на салфетки. Они были одного цвета.

— Слоновая кость.

— Ты даже не смотришь.

— Смотрю. Левая.

Мать поднесла обе к свету, сравнила, отложила правую и сразу забыла про неё. Её лицо было счастливым — по-настоящему, без притворства. Она готовила этот день дольше, чем Алиса была с Ником. Она знала рассадку наизусть, помнила, кто с кем не разговаривает, кого нельзя сажать у окна. Она держала в голове всю конструкцию этого вечера так же, как Алиса держала в голове чертёж.

Это её проект, подумала Алиса. Не мой. Я в нём — несущая стена. Меня нельзя убрать, но меня никто не спрашивал.

Она тут же устыдилась этой мысли. Мать хотела ей только хорошего. Все хотели ей только хорошего. В этом и была вся тяжесть — ей желали хорошего с такой силой, что уже не оставалось места сказать, что она чувствует. Да она и не знала, что сказать. Просто стояла в зале, где было очень красиво, и держала в руке салфетку, которую выбрала не глядя.

Ник подошёл сзади, положил руки ей на плечи.

— Устала?

— Немного.

— Ещё день. — Он сказал это ей на ухо, тепло. — Один день, и мы уедем, и никого не будет. Только ты и я.

Он говорил искренне. Он ждал этого дня. Он всё сделал правильно — расписание, машину, воду без газа, которую она любит. Он ни в чём не был виноват. И от этого почему-то было только хуже.

— Один день, — повторила Алиса.

Домой она попала после полуночи.

Ник довёз, поднялся, проверил, заперта ли балконная дверь, поставил ей воду на тумбочку и напомнил, что машина за ней придёт в девять. Он поцеловал её в висок и ушёл к себе — они не жили вместе, так решил Ник: «до свадьбы пусть будет как положено». Алиса никогда не спрашивала, кем положено.

Платье она повесила на дверцу шкафа. Серая полоса на подоле осталась. При свете лампы она была даже заметнее.

Платье выбирали втроём — мать, Ник и женщина из свадебного салона, которая говорила «мы» про Алисину талию. Алиса тогда сидела в кресле и пила воду без газа. Когда спросили, какое нравится, она показала на ближнее. Не потому что нравилось. Просто до него было ближе идти. Никто не заметил.

Алиса села на край кровати и высыпала сумку на одеяло.

Телефон. Ключи. Нетронутая помада. Рулетка, которую Ник так и не отобрал, — она переложила её обратно, пока он говорил с матерью. И фотография.

Она взяла карточку и поднесла к лампе.

Дом. Пустое поле. Утренний косой свет. Она смотрела на снимок глазами, которыми привыкла смотреть на чужую работу, — и не находила, к чему придраться. Дом был поставлен правильно. Окна держали пропорцию. Тот, кто его чертил, знал, что делает, и бросил на середине.

Она перевернула карточку.

Слово наверху было одно: «Первый».

Под ним — строчка, написанная быстро, с нажимом, так что перо в одном месте порвало бумагу. Сначала Алиса приняла её за подпись. Потом поднесла ближе.

Это была не подпись. Это были цифры. Две группы, через запятую, с точками внутри. Она знала такие цифры. Она работала с ними каждый день.

Координаты.

Кто-то от руки выписал на обороте фотографии географические координаты. И почерк был не мужской — тонкий, торопливый, с длинными петлями. Женский.

Алиса долго сидела и смотрела на две строчки цифр.

Потом взяла телефон и, прежде чем успела подумать, зачем, вбила координаты в карту.

Точка загорелась далеко от города. На побережье. Там, где по карте не было почти ничего — тонкая дорога вдоль моря и одинокий значок постройки в стороне от неё.

Дом существовал.

Алиса выключила экран. В комнате стало темно, только лампа на тумбочке и белое пятно платья на дверце шкафа.

Утром в девять за ней придёт машина. Мать. Фата. Салон. Женщина, которая говорит «мы» про её талию.

Она положила фотографию рядом с водой, легла и не стала выключать лампу.

— А если я уже не могу? — сказала она вслух, в потолок.

Никто не ответил. Дом на фотографии стоял в пустом поле и ждал уже, судя по свету на снимке, много лет.

Алиса закрыла глаза.

Она ещё не знала, что утром вместо салона поедет туда.

Но лампу так и не выключила — до самого утра.

Глава 2. Возвращение

Будильник Алиса не ставила. Её разбудил телефон.

Она нащупала его на тумбочке, не глядя, и задела фотографию. Карточка съехала на пол. Алиса свесилась с кровати, подняла её и только потом ответила.

— Ты встала? — Ник был бодрым, как всегда в семь. Он вставал в шесть, успевал на пробежку и звонил ей уже с готовым планом на день. — Я скинул расписание. В десять примерка фаты, в час обед с моими, вечером ничего, отдыхаешь.

— Хорошо.

— Ты какая-то тихая.

— Я только проснулась.

— Волнуешься. — Он произнёс это как диагноз, спокойно и уверенно. — Это нормально. Всё под контролем, тебе вообще не о чем думать. Просто приезжай к десяти.

— Хорошо.

— Я тебя люблю.

— И я, — сказала она и уже нажала отбой, когда поняла, что ответила не ему, а в короткие гудки.

Она села в кровати. В руке была фотография.

При дневном свете дом выглядел иначе, чем ночью. Ночью он казался тайной. Утром — просто старый снимок: недостроенное здание в поле, косой утренний свет, загнутый угол. И две строчки на обороте. Слово «Первый». И под ним — цифры, которые она вчера вбила в карту и которые показали точку на побережье.

Точка существовала. Дом существовал. Это она проверила ещё ночью, лёжа с телефоном под одеялом, как будто делала что-то запретное.

Телефон зазвонил снова. Мать.

— Ты уже собираешься?

— Почти.

— Не «почти», Алиса. Сегодня фата, это важно. Ты вечно опаздываешь, когда речь о тебе самой.

— Я помню про фату.

Пауза. Алиса знала эту паузу. Мать набирала воздух.

— Ты счастлива?

— Да.

— Ты говоришь «да» так, как говорят «отстань».

Алиса промолчала. За окном было серое утро — то самое, про которое Марк вчера сказал «дождь», и которое обещали ясным. По стеклу шли редкие капли.

— Ник хороший, — сказала мать мягче. — Он надёжный. С ним не будешь метаться, как я с твоим отцом. Ты просто устала. После свадьбы всё встанет на места.

— Наверное.

— Не «наверное». — Голос снова затвердел. — Приезжай к десяти. Не подведи меня хотя бы сегодня.

Гудки.

Алиса опустила телефон на одеяло.

«Хотя бы сегодня». Она даже не обиделась — так привыкла. Мать всю жизнь говорила с ней так, будто Алиса вот-вот что-то испортит. И самое странное: рядом с матерью Алиса действительно начинала всё портить. Роняла, забывала, опаздывала. Как будто занимала чужое место и боялась, что заметят.

Она встала.

Квартира была новая, купленная Ником к свадьбе. Светлая, удобная, с мебелью, которую выбирал дизайнер по фотографиям из журнала. Алиса прожила здесь два месяца и до сих пор иногда открывала не тот шкаф. Вещи стояли на местах, которые придумал не она, и слушались чужой логики. Даже чашки висели ручками в одну сторону.

Свадебное платье висело на дверце шкафа. Серую полосу на подоле она вчера так и не отчистила. При дневном свете полоса была видна отчётливо — тонкая, серая, поперёк белого.

Алиса посмотрела на неё.

Вчера эта полоса привела бы её в ужас. Сегодня — нет. Сегодня она смотрела на испачканное платье и не чувствовала ничего, кроме странного спокойствия, от которого было немного не по себе.

Она пошла в душ. Оделась. Джинсы, свитер, пальто — обычное, не свадебное. Собрала волосы. Всё как перед примеркой.

В прихожей она взяла ключи от машины.

Фотография лежала на тумбочке, там, куда она положила её после звонка.

Алиса вернулась, взяла карточку и опустила в карман пальто.

Она сказала себе, что просто не хочет её терять.

Салон был в центре. Дом на побережье — в сорока минутах в другую сторону.

Алиса выехала со двора. На светофоре перед выездом на проспект она стояла дольше, чем горел красный, — просто сидела, положив руки на руль, и смотрела, как «дворники» стоняют с лобового стекла редкие капли. Направо был центр, фата, мать в десять. Налево уходило шоссе на побережье.

Загорелся зелёный. Сзади посигналили.

Она повернула налево.

Это вышло почти само. Она не приняла решения — просто руки повернули руль, и город начал редеть за окном: сначала пропали высокие дома, потом торговые центры, потом заправки. Пошли гаражи, пустыри, длинные бетонные заборы. Дождь то начинался, то замирал.

Телефон в кармане завибрировал. Она не достала его.

Навигатор вёл её по шоссе вдоль воды. Слева тянулось море — серое, спокойное, сливающееся с небом так, что линию горизонта было не найти. Алиса опустила стекло. В машину вошёл холодный солёный воздух, и впервые за много дней ей захотелось дышать глубоко.

Она поймала себя на том, что улыбается. Без причины. Просто оттого, что едет не туда, куда должна.

«Через двести метров вы прибудете в пункт назначения», — сказал навигатор.

Дороги дальше не было — только грунтовая колея, уходящая от шоссе к холму. Алиса съехала на обочину и заглушила мотор.

На холме стоял дом.

Тот самый. С фотографии.

Она узнала его сразу, ещё из машины. Белые стены, проёмы без рам, плоская недоделанная крыша. Дом стоял один, боком к морю, и от этого казался ещё более пустым — как человек, который отвернулся, чтобы не заговорили.

Алиса пошла к нему через мокрую траву. Пальто быстро набрало влаги внизу. Она не замечала.

Вблизи дом был меньше, чем на снимке, и печальнее. Кладка хорошая — она отметила это машинально, — а вот бросили его давно: в проёмах рос бурьян, на пороге лежали листья нескольких осеней. Кто-то строил всерьёз, с расчётом, с деньгами. И в какой-то момент просто ушёл.

Она поднялась на две ступени ко входу. Двери не было — только проём.

Внутри было пусто и гулко. Одна большая комната, будущие перегородки намечены только кладкой в один кирпич — их начали и бросили. Алиса вошла. Пол был земляной, кое-где залитый бетоном пятнами, будто заливали в разные годы и всякий раз останавливались.

Она сделала то, что делала всегда в чужих недостроях, — начала достраивать его в уме. Здесь встала бы лестница, свет из этого проёма падал бы утром на стол, кухню логично было бы увести в северный угол, к воде. Дом был задуман хорошо. У того, кто его чертил, был замысел — просторный, светлый, для жизни. И этот замысел висел здесь, в пустых стенах, недовоплощённый, как задержанный вдох.

Алиса остановилась посреди комнаты.

Она знала это чувство. Не про дом — про себя. Всю жизнь её тоже кто-то достраивал в уме: мать, Ник, женщина из салона со своим «мы». У них был замысел. Красивый, светлый, для жизни. И она стояла внутри этого замысла, как эта комната, — с намеченными перегородками, которые начали не там, где она бы начала сама.

Она отогнала мысль. Слишком.

На косяке, изнутри, на уровне глаз, чьей-то рукой был процарапан значок. Не буква. Не слово. Простая вертикальная чёрточка, одна. Как будто кто-то отметил: был здесь. Или: первый.

Алиса достала фотографию из кармана. Перевернула. Слово «Первый», написанное быстрой женской рукой.

Она стояла и смотрела то на снимок, то на чёрточку на косяке, и не заметила, как сзади подъехала машина.

Хлопнула дверь. Она обернулась.

По траве к дому шёл человек с крыши. Та же тёмная куртка. На плече — сумка с камерой. Марк остановился шагах в десяти. Он не удивился. Или не показал.

— Вы, — сказал он.

— Я.

Он оглядел её — джинсы, мокрое пальто, фотографию в руке. Задержал взгляд на карточке.

— Это моё.

— Вы её обронили. Вчера. — Алиса протянула снимок. — Я хотела вернуть.

Он не взял.

— Могли выбросить.

— Могла.

— Но приехали за сорок километров.

Она не нашлась, что ответить. Он был прав, и это было неудобно.

Марк поднялся мимо неё на ступени, заглянул в проём, но внутрь не вошёл. Просто смотрел в пустоту дома, как вчера смотрел в видеоискатель.

— Как вы узнали, где это? — спросил он.

— Координаты. На обороте.

— Вы прочли координаты по фотографии.

— Я с ними работаю.

Он повернул голову, посмотрел на неё внимательнее — впервые с интересом.

— Строите?

— Строю. — Она помолчала. — Строила. Сейчас больше согласовываю чужое.

Марк кивнул, будто это что-то объяснило.

Он снял сумку, достал камеру и стал снимать дом — не позируя, не выбирая, просто обходя проём и шёлкая. Алиса смотрела.

— Вы и его снимаете. Как ту стену.

— Его — давно.

— Он тоже под снос?

Марк опустил камеру.

— Нет. Он просто пустой. Таких восемь.

Вот оно опять — восемь. Вчера на крыше, теперь здесь.

— Что за восемь? — спросила Алиса.

Марк не ответил сразу. Он смотрел в проём дома, и по его лицу нельзя было понять, думает он или просто молчит.

— Восемь домов, — сказал он наконец. — Их построил один человек. В разных местах. И ни в одном не остался.

— Кто?

— Это долго.

— Я никуда не спешу.

— У вас в десять примерка.

Алиса вздрогнула. Она не говорила ему про десять. Потом поняла — не говорила, но стоит здесь в пальто, промокшая, не в салоне, и это читается без слов.

— Не спешу, — повторила она тише.

Марк убрал камеру в сумку. Застегнул. Посмотрел на неё — долгим, оценивающим взглядом, каким смотрят, прежде чем что-то решить.

— Я еду ко второму, — сказал он. — Сегодня. Он в трёх часах отсюда.

Он не приглашал. Он просто сообщил, куда едет, и оставил ей пространство — как оставляют открытой дверь, не говоря «входи».

— А что во втором?

— Не знаю. Я его ещё не видел.

Он пошёл к машине.

Алиса осталась стоять на ступенях пустого дома. В кармане снова завибрировал телефон — коротко, настойчиво. Она знала, кто это. Знала, что через двадцать минут начнут звонить по-настоящему, все сразу: Ник, мать, салон, — и что каждый час её отсутствия будет стоить дороже предыдущего.

Она посмотрела на дом. На чёрточку на косяке. На человека, который уже садился в машину и не оглядывался — ему было всё равно, поедет она или нет.

И именно потому, что ему было всё равно, ей вдруг захотелось поехать.

Марк завёл мотор.

Алиса достала телефон. Восемь пропущенных. Ник — четыре, мать — три, салон — один. Пока она смотрела, экран загорелся снова: Ник.

Она держала телефон в руке и смотрела на его имя. Стоило нажать зелёное — и через час она была бы дома, в тепле, с горячим чаем, и все были бы довольны, и жизнь пошла бы по расписанию, присланному в семь утра. Достаточно было одного движения пальца. Она знала это движение наизусть — соглашаться было легко, она умела это лучше всего на свете.

Звонок оборвался сам. На экране осталось: «Пропущенный. Ник».

Она набрала одно сообщение — матери, потому что Нику не смогла бы, — и держала палец над кнопкой дольше, чем нужно.

«Не приеду на примерку. Со мной всё хорошо. Не ищите».

Отправила. И, пока не передумала, зажала кнопку и выключила телефон совсем. Экран погас. Стало очень тихо — только ветер с моря и мотор чужой машины впереди.

Первый раз в жизни её нельзя было найти.

Машина Марка тронулась и остановилась у выезда на шоссе. Не поехала. Ждала.

Алиса сбегала со ступеней и пошла к ней через мокрую траву — быстро, придерживая полы пальто, точно так же, как вчера придерживала подол на лестнице.

Дом остался стоять на холме, боком к морю, пустой, с одной процарапанной чёрточкой на косяке.

Первый.

В машине пахло кофе из бумажного стакана и чем-то химическим — потом она узнает, что так пахнет плёнка. На заднем сиденье лежали сумки, штатив, свёрнутый спальник и коробка из-под обуви, перетянутая резинкой. Алиса села вперёд, положила руки на колени и не знала, куда девать взгляд.

Марк вырулил на шоссе. Море ушло вправо и потянулось вдоль дороги.

Первые полчаса они молчали.

Алиса ждала, что он спросит — про платье вчера, про то, почему она сбежала с примерки, про Ника. Люди всегда спрашивали. Мать спрашивала, подруги спрашивали, коллеги спрашивали. Всем нужно было понять, разложить её по полкам, дать совет.

Марк не спрашивал ничего. Он вёл машину и смотрел на дорогу, и молчание его, кажется, вполне устраивало.

— Вы не хотите узнать? — не выдержала она.

— Что?

— Почему я здесь. Кто я вообще. У меня свадьба послезавтра.

— Если захотите — скажете.

Она посмотрела на него сбоку. Профиль был спокойный, чуть усталый.

— Большинство людей спрашивают.

— Большинству людей нужен ответ. Мне нужен кадр.

Это должно было прозвучать холодно, но прозвучало почти успокаивающе. Он не лез. Впервые за долгое время рядом был человек, которому от неё ничего не требовалось.

Они проехали посёлок — низкие дома, магазин, автобусная остановка с выцветшим расписанием. Марк сбросил скорость, посмотрел на остановку, но снимать не стал.

— А кто их строил? — спросила Алиса. — Восемь домов.

Он помолчал.

— Женщина.

— И бросала?

— Строила и уходила. Каждый раз доводила почти до конца — и уходила. — Он говорил ровно, но Алиса услышала в этом «ровно» что-то натянутое, как гладко зашпаклёванная трещина. — Восемь раз.

— Вы её знали?

Он не ответил. Включил поворотник, хотя поворачивать было некуда, и через несколько секунд выключил обратно. Алиса поняла, что зашла куда-то, куда пока нельзя.

— Извините.

— Ничего.

Дальше опять ехали молча, но молчание стало другим — не пустым, а полным того, о чём он не сказал.

Дорога поднялась на пригорок, и внизу открылась развилка, заправка, кафе с жёлтой вывеской.

— Есть хотите? — спросил Марк.

— Нет.

В животе у неё тут же заурчало — громко, некстати. Марк, не глядя, свернул к заправке.

— Я тоже нет, — сказал он.

Они взяли по стакану кофе и по сэндвичу и ели в машине, глядя на пустую дорогу за стеклом. Кофе был плохой, сэндвич резиновый. Алиса не помнила, когда ела с таким аппетитом.

— Куда мы едем? — спросила она с набитым ртом и сама засмеялась над тем, как это прозвучало.

— К дому, который называется «второй».

— А у него есть настоящее имя?

Марк отпил кофе.

— У всех есть. Их написала она, на обороте. — Он кивнул на бардачок. — Посмотрите, если хотите.

Алиса открыла бардачок. Внутри, перетянутая той же резинкой, лежала пачка фотографий — старых, с загнутыми углами. Она вытянула верхнюю, перевернула.

Дом. И слово на обороте, той же торопливой рукой: «Второй. Дом, который не построили».

Она провела пальцем по надписи. Чернила в одном месте продавили бумагу насквозь — женщина писала с нажимом, зло или наспех.

— Странное имя, — сказала Алиса. — Дом, который не построили. Но он же есть на фото.

— Есть. — Марк смял стакан. — Значит, дело не в стенах.

Он завёл мотор.

Алиса держала фотографию на коленях и смотрела на неё, пока заправка не скрылась за поворотом. Потом аккуратно вернула снимок в пачку и закрыла бардачок.

Ей не пришло в голову, что она едет в трёх часах езды от города с человеком, которого знает сутки, без вещей, без телефона, в мокром пальто. А если и пришло — то не испугало.

За окном тянулось море. Дорога уходила вперёд и не думала кончаться.

Глава 3. Дом, который не построили

Второй дом они увидели уже в сумерках.

Первый час они ехали молча. Алиса смотрела в окно на воду и привыкала к странной мысли, что её никто не ищет, — вернее, ищут, но не могут найти. Телефон лежал в кармане пальто чёрным и мёртвым. Каждые несколько минут ей хотелось его включить — не чтобы ответить, просто чтобы посмотреть, сколько там пропущенных, сколько тревоги она за собой оставила. Она не включала. Это было как держать руку над огнём и проверять себя.

— Расскажите про неё, — сказала она наконец. — Про ту, что строила.

Марк молчал так долго, что она решила: не ответит.

— Что рассказать.

— Хотя что-нибудь. Кто она. Сколько ей лет. Почему восемь домов.

— Ей было бы сейчас шестьдесят один, — сказал Марк.

«Было бы». Алиса услышала это и не стала переспрашивать. Есть слова, за которые нельзя дёргать сразу.

— Она строила всю жизнь, — продолжил он, глядя на дорогу. — Не по профессии. Просто не могла иначе. Находила место, загоралась, всё бросала, строила дом. Доводила почти до конца. А потом в один день собирала сумку и уезжала. И начинала следующий, за триста километров.

— От чего она бежала?

— Я думал, что знаю. — Марк перехватил руль. — Оказалось, не знаю ничего.

Он замолчал, и по тому, как он замолчал, Алиса поняла: дверь опять закрылась. Она не стала стучать.

Дорога свернула от воды вглубь, пошла полем. Машину качало на выбоинах. В салоне всё так же пахло плёнкой и остывшим кофе, и Алиса, сама не заметив, задремала — привалилась виском к холодному стеклу и проснулась только оттого, что машина сбавила ход.

За окном было поле, синее в сумерках, и на нём — дом.

Она выпрямилась.

Первое, что она подумала: здесь кто-то живёт.

Дом был целый. Не то что первый — с проёмами вместо окон и бурьяном на пороге. Этот стоял под крышей, с рамами, с застеклёнными окнами, с крыльцом. Аккуратный, соразмерный, будто сошедший с эскиза. В сумерках его можно было принять за жилой.

— Странно, — сказала она. — Он готов.

— Он готов уже двадцать лет, — сказал Марк.

Он остановил машину у обочины, но мотор не заглушил сразу — посидел несколько секунд, глядя на дом через стекло, как смотрят на что-то, к чему не хочется подходить. Потом всё-таки выключил зажигание.

Стало очень тихо. Только ветер шёл по полю ровными волнами, пригибая траву.

Они пошли к дому.

Вблизи иллюзия жилого рассыпалась. Стёкла были целые, но мутные от пыли изнутри, в потёках. Крыльцо — чистое, но без единого следа: ни отпечатка, ни соринки, будто по нему никогда не поднимались. На двери висел замок. Старый, но крепкий, и петли под ним не тронуты ржавчиной там, где их касалась бы рука.

Никто никогда не открывал эту дверь.

Алиса отступила на шаг и посмотрела на дом целиком.

И вот тут ей стало не по себе.

Дом был безупречен. Она видела это глазом, которым за пятнадцать лет привыкла находить ошибку в чужой работе, — и не находила её. Пропорции окон держали фасад. Свес крыши

был рассчитан ровно на тот угол, под которым сюда падает зимнее солнце. Крыльцо смотрело на юго-восток — чтобы утренний свет входил в переднюю комнату. Всё было продумано. Всё было правильно. До последнего сантиметра.

И всё было мёртвым.

— Кто его строил? — спросила она тихо.

— Та же, что и первый.

— Она архитектор?

— Нет. — Марк смотрел на дом снизу, от крыльца. — Она просто знала, как надо. Всегда знала, как надо. Это разные вещи.

Алиса обошла дом по кругу.

С задней стороны — то же самое. Ни одной ошибки. Ни одной живой линии. Дом, вычерченный до совершенства и запертый на замок в тот день, когда его достроили. Кто-то двадцать лет доводил его до идеала — и ни разу не вошёл внутрь.

Она присела у фундамента, тронула шов кладки. Ровный, выверенный, будто по нитке. Провела дальше — и здесь ровный. И здесь. Она искала место, где рука дрогнула, где мастер устал, где чуть-чуть не хватило, — то живое место, которое есть в любой настоящей работе. Не нашла.

— Странно, — сказала она вслух.

— Что странно?

— В хорошей работе всегда видно, где человеку было трудно. Где он сомневался. Где переделывал. — Она выпрямилась, отряхнула ладони. — А здесь нет. Как будто ей ни разу не было трудно. Как будто она ни секунды не сомневалась, что делает всё правильно.

— Она и не сомневалась, — сказал Марк. — В домах — никогда.

— А в чём сомневалась?

Он не ответил. Но Алиса услышала в этом «в домах — никогда» целую жизнь, о которой он не хотел говорить, — жизнь, где было что-то, кроме домов, и где всё как раз пошло не по чертежу.

Она знала эту логику. Знала слишком хорошо.

Так строила она сама. Проект за проектом, расчёт за расчётом, всё по нормам, всё без единой ошибки, всё так, что не придерёшься. Начальство её ценило именно за это: Алисе можно не проверять. И так же она жила: расписание Ника по минутам, платье, выбранное без неё, квартира, где чашки висят ручками в одну сторону. Идеальный план собственной жизни, вычерченный набело, без помазок, без сомнений. Оставалось только войти.

Она так и не вошла.

Алиса остановилась у задней стены и положила ладонь на холодные доски.

— Он не построен, — сказала она.

Марк подошёл сзади.

— Он стоит.

— Стоит. Но в нём никто не жил и не будет. — Она провела рукой по стене. — Можно вычертить всё идеально и так и не начать жить. Дом есть. А дома — нет.

Она сказала это про дом. Но услышала — про себя. И по тому, как Марк молчал за спиной, поняла, что он тоже услышал.

Внутри было не попасть. Замок держал крепко, окна не поддавались, а ломать Марк не стал — сказал только: «Я их не вскрываю». Как и на первом доме, он не переступил порога. Обошёл, поснимал, но к двери подходил боком, будто она могла его окликнуть.

Алиса это заметила ещё вчера, на первом доме. Сегодня — убедилась.

— Вы никогда не заходите внутрь, — сказала она.

Марк опустил камеру.

— Нет.

— Почему?

Он не ответил. Присел, поменял что-то в объективе, чего менять было не нужно. Алиса уже начинала узнавать этот жест — так он уходил от вопроса, к которому не был готов.

— Снаружи честнее, — сказал он наконец. — Внутри начинаешь думать, как там было. А я не хочу думать. Я хочу снять, как есть.

— А как есть?

— Пусто. — Он поднялся. — Везде одинаково пусто. Восемь раз.

Солнце село. Поле стало серым, потом сизым. С воды потянуло холодом, и Алиса впервые за день вспомнила, что на ней всего лишь пальто и что она не ела с той резиновой заправочной булки.

Марк, не спрашивая, достал из машины термос, два стакана и всё ту же коробку из-под обуви, перетянутую резинкой, — но её не открыл, а подложил Алисе под спину, чтобы удобнее было сидеть на пороге. В термосе был чай. Плохой, слишком сладкий. Они пили его на крыльце дома, в который никто никогда не входил, и смотрели, как над полем зажигаются первые звёзды.

— А у вас там что? — Алиса кивнула на коробку под спиной.

— Её. — Марк помолчал. — Не открывал.

— Восемь лет?

— Открою на восьмом доме. Не раньше.

Алиса не стала спрашивать почему. Она уже поняла, что у Марка всё устроено так: он не забегает вперёд. Снимает по одному дому, едет по одному отрезку, живёт по одному дню. Как будто боится: заглянешь в конец — и не хватит сил дойти.

— Можно вопрос? — сказала она.

— Ещё один.

— Вам не странно, что я здесь? Совсем чужой человек. Вы могли уехать вчера один и забыть.

Марк подумал.

— Мне странно, что вы не уехали, — сказал он. — У вас послезавтра свадьба. А вы сидите на пороге пустого дома и пьёте плохой чай.

— Уже завтра, — тихо сказала Алиса. — Свадьба была бы завтра.

Слово «была бы» повисло в темноте. Она произнесла его сама, впервые, и удивилась, как легко оно вышло. Не «будет». «Была бы». Как будто той свадьбы уже не существовало — не потому, что она что-то решила, а потому, что тело за неё уже всё решило, ещё вчера, на перекрёстке, когда руки повернули руль налево.

— Вы жалеете? — спросил Марк.

Алиса прислушалась к себе — честно, до дна.

— Я боюсь, — сказала она. — Но не жалею. Это, наверное, странно.

— Это не странно.

Они допили чай. Ветер стих. Поле стало совсем чёрным, и только дом белел за спиной — идеальный, пустой, никому не нужный, и от этого почему-то было грустно, как бывает грустно от чужой напрасной работы.

— Завтра поедem к третьему? — спросила Алиса.

Марк посмотрел на неё сбоку.

— «Поедем».

— Что?

— Вы сказали «поедем».

Алиса открыла рот и закрыла. Она не заметила, как сказала. Ещё вчера утром у неё была свадьба, мать, фата, расписание. Сегодня она сидела на чужом пороге в трёхстах километрах от дома, с выключенным телефоном, и говорила «поедем» человеку, которого знала сутки.

Ей стоило испугаться. Она прислушалась к себе — страха не было. Было что-то другое, чему она пока не знала названия: как будто её долго держали под водой, а сейчас впервые дали вдохнуть, и от воздуха немного кружилась голова.

— Поедем, — сказала она твёрдо. — Я хочу увидеть все восемь.

Марк ничего не ответил. Но Алиса заметила: он чуть отодвинул термос, чтобы стоял ближе к ней, чем к нему. Мелочь. Она бы не увидела её ни в ком другом. В нём — увидела.

Ночевали в машине. Марк отдал ей заднее сиденье и спальник, сам остался впереди, откинув спинку. Алиса думала, что не уснёт в чужой машине рядом с чужим человеком. Уснула через пять минут — так, как не спала уже год.

Последнее, что она успела подумать, засыпая: за всю жизнь никто ни разу не отодвигал ради неё стакан ближе.

Один раз она всё-таки проснулась среди ночи.

Переднее сиденье было пустым. Дверца приоткрыта, в салон тянуло холодом.

Алиса приподнялась и увидела Марка через лобовое стекло. Он стоял у дома, у самого крыльца, спиной к машине, и не снимал — камера висела на груди. Просто стоял и смотрел на запертую дверь, будто ждал, что она откроется сама. Луна вышла из-за облака, и на секунду Алиса увидела его лицо в профиль — не то, что днём. Днём он был спокойный, закрытый, ровный. Сейчас он был похож на человека, который стоит у чужой палаты и не решается войти.

Она не окликнула его. Легла обратно и притворилась спящей.

Марк вернулся минут через десять, тихо сел вперёд, долго не двигался. Потом Алиса услышала, как он один раз, коротко, выдохнул — так выдыхают, когда сдерживались весь день. И затих.

Она лежала с закрытыми глазами и думала: он ищет эти дома не для того, чтобы их найти. Он ищет их, чтобы наконец с ними попрощаться. Только пока не может.

Утром она ничего не сказала.

Разбудил её свет.

Утро пришло ясное — то самое, которое обещали на её свадьбу и которого на свадьбе, наверное, так и не будет. Солнце било низко, через поле, прямо в окна дома, и Алиса, ещё не проснувшись толком, посмотрела на него — на переднюю комнату, куда как раз входил рассчитанный кем-то двадцать лет назад утренний свет.

И в этом свете, за мутным стеклом, на голом полу пустой запертой комнаты она увидела то, чего вчера в сумерках не было видно.

На полу, посреди пустой комнаты, лежал конверт.

Белый. Чистый. Не тронутый ни пылью, ни временем — не то что всё вокруг. Он лежал ровно в квадрате света, будто его положили так, чтобы утром он попал под первый луч. И его нельзя было там оказаться: дверь заперта на замок, который не открывали, окна целы, дом стоит пустым двадцать лет.

Алиса протёрла глаза. Посмотрела снова. Конверт не исчез.

Она перевела взгляд на пол вокруг него. Пыль лежала ровным серым слоем, нетронутая, — ни следа, ни отпечатка, ничего, что показывало бы, как конверт сюда попал. Он просто был. Белый на сером, чистый в грязном, невозможный в запертом.

Алиса выбралась из машины и подошла к окну вплотную. Приложила ладони к стеклу, отгородилась от солнца.

Конверт лежал лицом вверх. На нём было что-то написано — одно слово, от руки. Стекло было мутное, слово расплывалось, и как она ни всматривалась, прочесть не могла. Только видела: буквы. Женская рука.

— Марк, — позвала она, не отрываясь от стекла. — Идите сюда. Тут конверт.

Он не подошёл.

Она обернулась. Марк стоял у машины, там, где встал, и не двигался. Лицо у него было серое.

— Какой конверт, — сказал он. Не спросил — сказал, глухо, как говорят, когда очень не хотят услышать ответ.

— Белый. На полу. Внутри. — Алиса снова прижалась к стеклу. — Свежий, чистый, будто вчера положили. Марк, дом заперт двадцать лет. Как он туда попал?

Марк наконец сдвинулся. Подошёл — медленно, будто каждый шаг чего-то стоил, — встал рядом и посмотрел в окно.

Алиса смотрела не на конверт. Она смотрела на него. И видела, как у человека, который двадцать лет снимал только пустое, «потому что пустое ничего не просит», на глазах это пустое чего-то у него попросило.

— Это её почерк, — сказал он очень тихо.

— Чей?

Он не ответил. Он смотрел на белый прямоугольник в квадрате утреннего света, и губы у него шевелились, будто он читал слово, которое Алиса разобрать не могла, — читал и не верил.

— Марк. — Она тронула его за рукав. — Кто мог здесь быть? Дом заперт. Кто положил конверт?

Он повернулся к ней. И сказал то, от чего у неё по спине прошёл холод — не от смысла даже, а от того, каким голосом:

— Никто не мог. Она умерла восемь лет назад.

Ветер прошёл по полю, пригнул траву, качнул незапертую дверь машины.

За мутным стеклом, в квадрате света, лежал белый конверт, которого не могло быть, — и ждал, когда его прочтут.

Глава 4. Продолжение поиска

«Она умерла восемь лет назад».

Слова висели в утреннем воздухе, и ни он, ни она не спешили их трогать.

Алиса стояла у мутного окна, отняв ладони от стекла, и не знала, что говорить. Минуту назад она спала на заднем сиденье, и было просто холодное ясное утро. Теперь в запертом двадцать лет доме лежал конверт, которого не могло быть, а рядом стоял человек, у которого только что отняли последнюю опору — «пустое ничего не просит». Это пустое попросило.

— Марк. — Она сказала это осторожно, как говорят с тем, кто стоит на краю. — Кто она была?

Он не ответил. Он смотрел на конверт, и было видно, как он думает — тяжело, через силу, будто ворочает что-то большое, что давно не трогал. Лицо у него застыло и напряглось, и Алиса не стала мешать.

— Не сейчас, — сказал он наконец. — Сначала достанем.

И вот тут началось странное.

Марк не хотел вскрывать дом.

Он стоял у окна, смотрел на белый конверт в квадрате света и не двигался. Алиса уже знала это его свойство — замирать перед тем, к чему нельзя подойти. Но сейчас в нём боролось что-то ещё. Он то делал полшага к двери, то отступал.

— Вы сказали, что не вскрываете их, — напомнила Алиса.

— Не вскрываю.

— Тогда как мы его достанем?

Марк молчал.

— Марк. — Она встала между ним и окном, чтобы он смотрел на неё, а не на конверт. — Если она умерла восемь лет назад, а дом заперт двадцать — этого конверта тут быть не может. Но он есть. Значит, кто-то сюда вошёл. Недавно. И вышел, запев за собой. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю.

— И?

— Значит, я иду по домам не один, — тихо сказал он. — И, кажется, иду вторым.

Он произнёс это так, будто признавался в чём-то, чего боялся сам. Алиса не поняла до конца, но по спине снова прошёл холодок — уже второй раз за утро.

Они обошли дом ещё раз. Замок на двери был старый, но целый. Окна — глухие, без форточек. Марк не тронул ни того, ни другого. Он остановился у задней стены, там, где Алиса вчера искала живое место кладки, присел и провёл рукой понизу.

— Здесь, — сказал он.

Одна доска обшивки внизу держалась на честном слове — гвозди вынуты давно, аккуратно. Кто-то уже открывал этот лаз и закрывал за собой. Марк отвёл доску в сторону. За ней был тёмный подпол и ход внутрь.

— Вы говорили, что не входите, — сказала Алиса.

— Я и не войду. — Он посмотрел на неё. — Пролезете вы. Если захотите.

Она посмотрела на тёмный лаз. Оттуда тянуло холодом и пылью. Ещё три дня назад Алиса не полезла бы в подпол заброшенного дома ни за что — испачкать руки, порвать пальто, а вдруг там крысы, а вдруг обвалится. Она всю жизнь так: сначала перечисляла, что может пойти не так, а потом не делала.

Сейчас она стояла и смотрела в темноту, и впервые ей было всё равно, что может пойти не так.

— Хочу, — сказала она.

И полезла первой, не дожидаясь, пока передумает.

Внутри пахло пылью и деревом, как пахнет в доме, где никогда не топили. Свет входил только через мутные окна, ложился на пол длинными полосами. Алиса выпрямилась в пустой комнате — той самой, идеальной, безупречной, мёртвой.

Изнутри дом был ещё страшнее, чем снаружи. Снаружи он хотя бы притворялся жилым. Внутри было видно правду: голые стены, ни следа человека, ни гвоздя, ни выцветшего пятна от картины, ни царапины у порога, где обычно тремся, входя. Дом простоял двадцать лет и ни разу не был ничьим. Даже пыль легла в нём как-то ровно, музейно, будто и ей было велено не оставлять следов.

Алиса поймала себя на том, что ступает тихо, как в чужой квартире. Хотя чужой квартирой была её собственная — та, с чашками ручками в одну сторону. А здесь, в пустом доме мёртвой женщины, она почему-то чувствовала себя дома больше, чем там.

Она пошла к конверту. Половицы под ногами не скрипнули — их клали так же безупречно, как всё остальное.

Он лежал в квадрате света. Она подняла его.

Плотная бумага, чуть желтоватая. На лицевой стороне — одно слово тем же торопливым женским почерком, что и на оборотах фотографий. Алиса прочла его и остановилась.

Слово было: «Второй».

Не имя. Не «кому». Просто номер дома, у которого она стояла. Как будто тот, кто оставил конверт, знал: сюда придут именно к этому дому, именно в этом порядке.

Алиса надорвала край.

Внутри не было письма.

Внутри был чертёж.

Сложенный вчетверо лист кальки, и на нём — дом. Этот самый, второй. Планировка, разрезы, все размеры, выведенные твёрдой рукой. Алиса развернула кальку у окна и стала читать её так, как читала всю жизнь чужие проекты, — быстро, профессионально, по линиям.

И на середине остановилась.

Чертёж был не такой, как дом.

Снаружи и в плане всё совпадало до сантиметра — те же стены, те же окна, тот же выверенный свес крыши. Но внутри, на кальке, была нарисована ещё одна комната. Маленькая, без окон, в самой середине дома. Её не было наяву — Алиса только что прошла пустую комнату насквозь, там не было никакой перегородки. А на чертеже комната была. И от неё, тонким пунктиром, шла надпись — три слова, той же рукой:

«Здесь я пряталась».

Алиса медленно опустила кальку.

Женщина, которая двадцать лет строила дома без единой ошибки, начертила в идеальном доме тайную комнату, которую так и не построила. Место, где можно спрятаться. Единственное на всём безупречном чертеже, чего нет в жизни.

Алиса стояла посреди пустой комнаты, там, где по кальке должны были быть стены убежища, и ей вдруг стало трудно дышать — не от пыли.

Она знала это место. Не этот дом. Это желание. Всю жизнь ей хотелось одного — комнату, куда никто не войдёт с расписанием, с фатой, с «мы» про её талию. Комнату без окон в самой середине. Она так и не построила её. Только чертила — в голове, ночами.

И вот теперь чужая мёртвая женщина протягивала ей через двадцать лет и восемь домов лист кальки, на котором было нарисовано ровно то же самое. Как будто говорила: я тоже. Я всю жизнь строила стены для других и оставляла себе одну комнату — воображаемую, которую боялась достроить, потому что достроить значит войти, а войти значит остаться, а оставаться она не умела.

Восемь домов. И ни в одном она не построила себе ту единственную комнату.

— Что там? — голос Марка донёсся снаружи, через лаз. Глухо, встревоженно. — Алиса. Что там?

— Чертёж, — сказала она. И, помолчав: — Её.

— Не читайте вслух, — быстро сказал Марк. — Не сейчас. Просто вылезайте.

Она сложила кальку, убрала в конверт и полезла обратно.

Марк ждал у лаза, присев на корточки. Он подал ей руку, помог выбраться, но смотрел не на неё — на землю у отогнутой доски.

— Что? — спросила Алиса, отряхивая пальто.

Он молча показал.

У самого лаза, во влажной земле под стеной, где не доставало солнце, был отпечаток. Подошва. Не её — Алиса только что прошла тут, она видела свои следы рядом, мельче. Этот был крупнее, с рифлёным протектором, и глубже вдавлен, будто человек стоял здесь, переминаясь, довольно долго.

— Свежий, — сказал Марк. Он тронул край отпечатка пальцем. — Земля не осыпалась. Дождя не было три дня. Значит, за эти три дня.

Алиса присела рядом. След был чёткий, чужой и от этого неприятный — как чужая рука на твоём плече в темноте.

— Кто-то был здесь на этой неделе, — сказала она. — Влез так же, как я. Оставил конверт. И ушёл.

— Или взял свой, а этот оставил нам. — Марк выпрямился, оглядел поле, дорогу, пустой горизонт. — Я восемь лет думал, что иду по её следу один. А выходит, кто-то идёт по тем же домам. Впереди меня. И знает про них то, чего не знаю я.

— Он тоже её искал?

— Не знаю. — Марк смотрел вдаль, и лицо у него было напряжённое. — Но конверты подписаны по номерам. «Второй». Значит, он знает и порядок. Знает, что за чем. А я собирал этот порядок восемь лет по крупичкам.

Алиса поднялась. Ветер шёл по полю, и ей вдруг стало не по себе от того, каким открытым было это место — как на ладони. Кто угодно мог стоять сейчас за дальним пригорком и смотреть на них.

— Тогда тем более не будем задерживаться, — сказала она.

Но Марк ещё раз наклонился к следу, достал камеру и снял его — единственный кадр, где было не пустое. Первый за восемь лет снимок, на котором осталось присутствие человека, а не его отсутствие.

Пальто она всё-таки порвала.

Обнаружилось это уже у машины: подкладка разошлась по шву от подмышки почти до пояса, и в дыру можно было просунуть руку.

Алиса стояла и смотрела на этот шов.

Пальто было хорошее. Она покупала его в позапрошлом году, долго выбирала, три раза приходила посмотреть и решила только на распродаже.

— Зашью, — сказала она.

— Чем?

Она открыла рот и закрыла.

— Ниток нет, — согласилась она.

Марк открыл багажник, поворошил там и достал жестяную коробку из-под леденцов. Внутри лежали: две катушки, чёрная и белая, три иглы, воткнутые в кусок поролона, английские булавки и моток лески.

Алиса посмотрела на эту коробку.

— У тебя в машине швейный набор.
— У меня в машине всё, — сказал Марк. — Я тридцать лет в командировках.
— Покажи что ещё.
— Не покажу.
— Покажи.

Он вздохнул и откинул крышку багажника до конца.

Там было: канистра, буксировочный трос, аптечка, две пары резиновых сапог разного размера, складной стул, чайник, паяльник, коробка с гвоздями, кусок брезента, зимние перчатки в июне и три банки консервов.

— Зачем паяльник? — сказала Алиса.
— Был случай.
— Какой?
— Долгий, — сказал Марк и закрыл багажник.

Шила она сидя на крыле, а он держал ей край подкладки, чтобы не собиралось.
Шила она плохо.

Это выяснилось на третьем стежке: она делала их слишком крупными и тянула нитку слишком сильно, и шов пошёл волной.

— Дай, — сказал Марк.
— Я сама.
— Ты сама уже сделала гармошку.
— Я сама, — повторила Алиса и стала распускать.
Марк сел рядом на крыло и стал смотреть.
Он смотрел молча минуты три, потом сказал:
— Иглу води на себя, а не от себя. И не тяни, само ляжет.
Она попробовала.
Лягло.

— Откуда ты знаешь? — сказала она через некоторое время, не поднимая головы.
— Я двадцать лет жил с человеком, который умел всё руками, — сказал Марк. — Что-то пристаёт.

Шов вышел кривой, но крепкий.
Алиса надела пальто, застегнулась и подвигала рукой.
— Держит?
— Держит.
Она стояла у машины и смотрела на этот шов изнутри рукава.
— Первый раз? — сказал Марк.
— Первый.
Он ничего не добавил.
— Поехали, — сказала Алиса.

Она села в машину и всю дорогу до трассы держала руку так, чтобы чувствовать шов.

Они сидели на крыльце, и конверт лежал между ними на ступени, как что-то живое.
— Она оставляла их в каждом доме? — спросила Алиса.
— Я не знал, что оставляла. — Марк смотрел на конверт и не брал его. — Я прошёл первый дом вчера с вами. До этого я к ним не подходил близко. Восемь лет ездил, снимал издали и уезжал. Ни разу не искал, что внутри.
— Почему?

— Потому что знал: там будет она. — Он наконец поднял глаза. — А я приехал не встречаться с ней. Я приехал её похоронить. Только не выходит.

Алиса не стала спрашивать, кем она ему приходилась. Она уже почти догадывалась и понимала: спросишь — и он опять закроется. Пусть скажет сам, когда сможет.

— Можно только один вопрос, — сказала она. — И вы не отвечаете, если не хотите.

Марк кивнул.

— Когда вы стояли ночью у дома. Я видела. Вы ждали, что дверь откроется?

Он долго молчал.

— Она всегда запиралась, — сказал он наконец. — Всю жизнь. Строила дом, а потом закрывалась в нём от всех, кто её любил. Мы стучали. Она не открывала. — Он смотрел на запёртую дверь, будто она была той самой. — Я, наверное, до сих пор стою и стучу. Дурак.

Он сказал это без жалости к себе, просто как факт, и от этого стало ещё тяжелее.

— Она пряталась, — тихо сказала Алиса, вспомнив надпись на кальке. Осеклась. Не стала читать вслух — Марк просил.

Он посмотрел на неё внимательно, но не переспросил.

— Да, — сказал он. — Всю жизнь пряталась. И мы так и не узнали от чего.

В кармане пальто у неё завибрировал телефон. Она включила его час назад — глупо, по привычке, — и теперь он ожил и не желал молчать.

Она достала его. Экран горел: Ник. 14 пропущенных. И сверху сообщение, одно, короткое:

«Алиса. Я знаю, что ты не в салоне. Я знаю про машину и про заправку у моря — там камеры. Скажи, что ты жива, и я приеду. Я никому не сказал. Пока.»

Алиса смотрела на экран.

«Там камеры». Ник не звонил в панике. Ник собирал данные. Он всегда так делал: не искал её — вычислял. Заправка, камеры, маршрут. Где-то на большой карте он уже вёл линию за её машиной, спокойно, методично, как вёл всё в их общей жизни. И эта линия ползла к морю.

Самым страшным было последнее слово. «Пока». Не «я волнуюсь». Не «где ты». А «я никому не сказал — пока». За два года она выучила язык Ника: это не забота. Это условие. Вернись сама, и всё останется тихо. Не вернись — и он поднимет всех: её мать, своих родителей, знакомых с нужными связями. Он не угрожал. Он просто сообщал расклад, как сообщают прогноз.

— Кто? — спросил Марк, глядя на её лицо.

— Жених. — Она впервые назвала Ника так вслух, и слово вышло чужим. — Он меня ищет. И, кажется, найдёт.

— Он опасен?

Алиса подумала.

— Нет. Он хуже. Он прав. — Она усмехнулась невесело. — По всем документам, по всему, как принято, он прав, а я — сбежавшая невеста, которая тронулась умом за два дня до свадьбы и катается с незнакомцем по заброшенным домам. Любой суд, любая мать, любой человек скажет: Ник хороший, Алиса сошла с ума. И я даже не смогу объяснить почему. Потому что я сама не до конца понимаю.

Она замолчала, глядя на тёмный экран.

Ник и правда был хороший. В этом и был весь ужас. Он ни разу не поднял на неё голоса, не забыл ни одной даты, не опоздал ни на минуту. Он приносил ей воду без газа, которую она любит, помнил, что она не ест грибы, оплачивал кредит на квартиру, которую сам же ей и купил. Со стороны это была идеальная забота. Изнутри — клетка с мягкими стенами, где всё уже решено, и решено правильно, и потому спорить невозможно: как споришь с человеком, который всегда прав и всегда добр?

Она поняла это не сегодня. Она поняла это на крыше, три дня назад, когда Ник вынул из её сумки рулетку и убрал в свой карман. «Потеряешь». Мелочь. Но именно тогда, глядя на его карман, она впервые ясно почувствовала: он не отбирает у неё вещи. Он отбирает у неё способ мерить мир самой.

Марк посмотрел на неё, на конверт, на дорогу, уходящую вдоль поля.

— А надо объяснять? — спросил он.

Она подняла на него глаза.

— Вы первый человек, который не спросил, всё ли у меня в порядке с головой.

— У вас всё в порядке с головой, — сказал Марк. — У вас не в порядке с жизнью. Это разное.

Он встал.

— Тогда не будем сидеть.

Алиса ещё секунду держала телефон в руке. Достаточно было написать «я жива» — и линия на его карте остановилась бы, и всё пошло бы к развязке, тихой и правильной. Она это знала. Она умела это лучше всего на свете.

Она открыла заднюю крышку, вынула сим-карту и убрала её отдельно, в маленький карман, — не выбросила, просто вынула. Телефон погас насовсем.

Потом взяла со ступени конверт и пошла к машине.

Дом остался стоять на поле — идеальный, пустой, с тайной комнатой, которую так и не построили. С чертежом, который теперь ехал дальше вместе с ними.

— Куда? — спросила Алиса, садясь.

— К третьему, — сказал Марк. — Пока нас не догнали.

Он завёл мотор. Машина пошла вдоль поля, и в зеркале заднего вида дом становился всё меньше, пока не остался позади совсем.

Алиса держала конверт на коленях. Внутри лежал чертёж с комнатой, которой нет, — единственным местом на свете, где мёртвая женщина позволяла себе спрятаться. Алиса вдруг подумала, что везёт с собой не бумагу, а чью-то тайну, доверенную не ей, а тому, кто пройдёт все восемь. И что она едет не мимо чужой жизни, а внутрь неё — всё глубже с каждым домом.

Она покосилась на Марка. Он вёл машину и молчал, но что-то в нём переменялось за это утро. Восемь лет он снимал только пустое, «потому что пустое ничего не просит». А сегодня сделал первый кадр, где был след человека. Как будто, сам того не заметив, он впервые снял не отсутствие, а присутствие.

Где-то там, за спиной, по другой дороге, к морю уже двигалась ровная спокойная линия.

Алиса не оглянулась.

Она смотрела вперёд, где дорога уходила к третьему дому, и впервые за много лет не знала, что будет дальше, — и это было не страшно, а хорошо.

Глава 5. Попытка отменить

Ночью Алиса проснулась и поняла, что не помнит, где она.

Тёмный потолок был слишком близко и слишком низко. Пахло плёнкой и остывшим кофе. За стеклом стояла чужая ночь — поле, ни одного огня. Прошло несколько секунд, прежде чем всё встало на места: машина, заднее сиденье, спальник, третий дом где-то впереди в темноте. Марк спал на переднем, откинув спинку, дыша ровно и тихо.

Несколько секунд она не могла вспомнить не только где она, но и кто. Как будто во сне с неё сняли всё привычное — квартиру, имя невесты, расписание на завтра, — и осталась просто женщина в темноте, в чужой машине, посреди пустого поля. Ни фамилии, ни роли, ни завтрашнего дня. Пусто и легко, и от этой лёгкости кружилась голова, как на краю крыши.

А потом память вернулась и принесла с собой всё остальное.

Она лежала и слушала чужое дыхание с переднего сиденья, и страх начал подниматься.

Он пришёл не сразу, а как вода в лодку — сначала незаметно, потом по щиколотку, потом уже нельзя не замечать. Что она делает. Кто этот человек. Третьи сутки она едет неизвестно куда с мужчиной, которого знает четыре дня, спит в его машине, ест его резиновые сэндвичи. А дома — мать, Ник, платье на дверце шкафа, квартира, кредит, работа, вся её жизнь, аккуратно расставленная по местам, стоит и ждёт. И с каждым часом её всё труднее вернуть на паузу. Ещё день-два — и не отмотаешь. Свадьбу отменят по-настоящему, разошлют гостям, вернут подарки, и мать будет объяснять родне, и Ник будет ходить с лицом обманутого хорошего человека, и всё это уже нельзя будет назвать «я просто испугалась и уехала проветриться».

Пока ещё можно. Вот что стучало в висках. Пока ещё можно всё вернуть. Позвонить, извиниться, приехать к обеду, сказать «сорвалась, прости, предсвадебное». Её примут. Отругают, но примут. Мать любит, когда есть за что прощать.

Она села.

Спальник сполз. В машине было холодно. Алиса нащарила в кармане пальто сим-карту — маленький пластиковый квадратик, который она вынула вчера у второго дома и с тех пор носила отдельно, как вырванный зуб.

Она держала его на ладони и думала: вот сейчас вставлю — и всё вернётся. Не события. Тяжесть. Три дня она прожила невесомой, будто отключили гравитацию: ни звонков, ни расписания, ни чужих ожиданий на плечах. Она забыла, какая это тяжесть, пока её не было. И вот сама тянулась надеть её обратно — потому что невесомость пугала сильнее, чем груз. К грузу она хотя бы привыкла. Она носила его всю жизнь и знала, как под ним стоять.

Так уже было — на крыше, четыре дня назад. И у первого дома. И у второго. Каждый раз она подходила к самому краю свободы, заглядывала вниз и хваталась за перила. Телефон был её перилами. Она то отпускала его, то снова вцеплялась.

Она вставила сим-карту обратно.

Руки делали это сами, а внутри ещё спорили два голоса. Один говорил: не надо, ты знаешь, что будет, зачем. Другой — тот, что победил, — говорил тише и подлее: только посмотрю, сколько их там, только узнаю, ищут ли, живы ли, помнят ли. Как будто ей нужно было доказательство, что она ещё существует для кого-то, — а телефон был единственным зеркалом, где это можно проверить.

Телефон думал долго, будто не верил. Потом экран налился светом — слишком ярким в темноте, — и посыпалось. Пропущенные. Сообщения. Голосовые. Значки лезли один на другой, вибрация била в ладонь короткими злыми толчками, не переставая, и цифры росли на глазах: двадцать, тридцать, сорок один, сорок семь. Она приглушила экран ладонью, чтобы свет не разбудил Марка, и смотрела сквозь пальцы на этот столбик тревоги, который сама за собой оставила.

Сорок семь человеко-попыток вернуть её на место. За три дня. Больше, чем ей звонили за месяц обычной жизни. Странно: пока она была рядом и делала всё как надо, её почти не замечали. Стоило исчезнуть — и оказалось, что она кому-то очень нужна. Не она сама, поняла Алиса. Нужно было, чтобы всё вернулось на свои места. А её место было пустым, и пустота эта у всех была на виду, как выломанный зуб в ровном ряду.

Больше всего было от матери. Меньше — от Ника, но его короче и страшнее: не «где ты», а «когда вернёшься». Он не сомневался, что вернётся. Он ждал, как ждут поезд по расписанию — с лёгким раздражением на опоздание, но без тени сомнения, что поезд придёт.

Алиса открыла переписку с матерью. Пальцы дрожали. Она набрала: «Мама. Мне очень страшно. Я, кажется, всё сломала».

Отправила — и сама испугалась, как быстро. Как легко было снова стать той, что просит. Ответ пришёл почти сразу. Мать не спала.

«Слишком поздно бояться, Алиса. Ты сделала это со всеми нами. Твой поезд ушёл. Раз ты выбрала этот путь — иди до конца. Домой можешь не торопиться, тебя тут уже похоронили».

Алиса перечитала два раза.

«Тебя тут уже похоронили». Не «мы волнуемся». Не «вернись, разберёмся». А — ты для нас уже умерла, и это ты виновата.

Она сидела с телефоном в руках и ждала, что станет ещё страшнее. Всю жизнь мать умела одним словом вернуть её на место — «не подведи», «хотя бы сегодня», «ты вечно всё портишь». Одно сообщение — и Алиса обычно уже бежала исправлять, извиняться, быть хорошей. Механизм был отлажен годами: мать нажимала, Алиса складывалась.

Она ждала, что сложится и сейчас. Но не сложилась.

Случилось другое: страх вдруг отступил, будто мать этим сообщением сама закрыла за ней дверь, которую Алиса всё это время боялась закрыть своими руками. Не пустят обратно. Похоронили. Значит, и решать уже нечего — решили за неё, как всегда решали за неё всё. Только на этот раз их решение работало ей на свободу.

Она вдруг поняла простую вещь, от которой стало и легче, и страшнее сразу: она рвалась вернуться не к людям. Она рвалась вернуться к привычке. К знакомой тяжести, к расписанному дню, к жизни, где не надо выбирать, потому что всё выбрано. Там, куда она хотела назад, её самой не было — было её место, аккуратно очерченное, как контур тела на асфальте. Место было. Её — нет.

Она всё-таки написала Нику. Не чтобы вернуться. Чтобы проверить себя — вдруг там, у него, осталось хоть что-то живое, ради чего стоило бы.

«Ник. Я не нервничаю. Я не заболела. Мне просто нельзя за тебя замуж. Прости».

Три точки появились сразу — он печатал. Исчезли. Появились снова. Ответ пришёл не тот, которого она боялась, а тот, которого боялась ещё больше:

«Ты устала и накрутила себя. Это бывает перед свадьбой, я читал. Ничего страшного не случилось. Возвращайся, отдохнёшь, и всё пройдёт. Я уже перенёс регистрацию на неделю. Никто ничего не узнает».

Алиса опустила телефон на колени.

Через минуту он зазвонил.

Она вылезла из машины, чтобы не разбудить Марка, отошла шагов на двадцать в поле и взяла.

— Не спишь, — сказал Ник вместо здравствуйте.

— Не сплю.

— Я тоже. — Голос был спокойный и немного сонный. — Ты где вообще?

— Это неважно.

— Ладно. — Он не стал настаивать. — Слушай, ты поела сегодня?

Алиса стояла в мокрой траве, в чужом свитере, в трёхстах километрах от дома.

— Что? — сказала она.

— Поела, спрашиваю. Ты когда не ешь, у тебя всегда всё валится.

— Ник, я тебе написала, что не могу за тебя замуж.

— Я прочитал.

— И?

— И я тебе ответил, — сказал он. — Я перенёс на неделю. Отдохнёшь — поговорим.

— Я не хочу переносить. Я хочу отменить.

Пауза была секунды две.

— Хорошо, — сказал Ник. — Давай отменим.

Алиса замолчала.

Она стояла посреди поля с телефоном у уха и не понимала, что произошло.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — сказал он. — Отменяем. Я завтра позвоню в ресторан, они вернут семьдесят процентов. С ведущим сложнее, но там небольшая сумма. Твоей маме скажу сам, чтобы ты не объяснялась.

— Ник...

— Платье оставим, — продолжал он. — Платье в любом случае не вернуть, а тебе оно идёт. Наденешь потом.

— Куда потом?

— Ну когда мы это сделаем, — сказал Ник. — Осенью, я думаю. Осенью удобнее, у меня объект закрывается.

Алиса стояла в траве.

— Я сказала «отменить», — сказала она.

— Так я и отменяю, — сказал он с лёгким недоумением. — Алис, ты меня извини, но ты сейчас говоришь так, будто я с тобой спорю. Я с тобой не спорю. Я всё делаю, как ты просишь.

И это была правда.

Он действительно всё делал, как она просила.

— Мне нужно идти, — сказала она.

— Иди. — Он помолчал. — Ты только поешь там что-нибудь.

Он положил трубку первым, потому что он всегда клал трубку первым, и это было не хамство, а привычка человека, у которого разговор заканчивается тогда, когда всё сказано.

Алиса стояла в поле.

Трава была мокрая, кроссовки промокли сразу, и она этого не заметила.

С ним нельзя было даже поссориться.

Ссора — это когда двое.

Она набрала ещё одну строку — последнюю, чтобы уж до конца: «Я не вернусь. Совсем. Пожалуйста, останови свадьбу».

Ответ: «Поговорим, когда остынешь. Я не сержусь».

Вот и всё. Даже это он услышал как каприз. Она могла написать что угодно — «я тебя не люблю», «я уехала с другим», «я никогда тебя не любила», — и он ответил бы: ты просто устала, я не сержусь, возвращайся. Стену нельзя переспорить. Об неё можно только разбиться или обойти.

Алиса обошла.

Она выключила телефон. На этот раз не гасила экран, не прятала сим-карту в панике — просто зажала кнопку и держала, пока он не умер совсем. Спокойно. Как закрывают книгу, которую дочитали до последней страницы и поняли, что продолжения не будет.

Она посмотрела на Марка.

Он спал, отвернувшись к окну, и не знал ничего. Не знал, что полчаса назад она сидела в темноте и решала, вернуться ли ей к прежней жизни, — то есть, по сути, оставить его тут одного на рассвете, уехать первой попуткой на трассу и исчезнуть так же внезапно, как появилась. Он спал и доверял ей — чужому человеку, которого сам подобрал на крыше, — спину, ключи в зажигании, коробку с вещами Евы на заднем сиденье, весь свой восьмилетний путь. Доверял так спокойно, что даже не запер двери.

И это его спокойное доверие сделало то, чего не сделали ни страх, ни мать, ни Ник. Алисе вдруг стало стыдно — не за побег, а за то, что она чуть не сбежала ещё и от него. От единственного, кто за эти дни ни разу ничего от неё не потребовал.

Она осторожно, чтобы не разбудить, поправила сползшую с его плеча куртку. Он не проснулся. Только вздохнул во сне — коротко, глубоко, как вздыхают дети.

Уснуть она уже не смогла.

Она тихо выбралась из машины, чтобы не разбудить Марка. Ночь была холодная, чистая, с крупными звёздами, каких не бывает в городе. Поле уходило в темноту, и где-то за ним угадывалась вода — не видно, но слышно: ровный далёкий шум, вдох и выдох, вдох и выдох.

Алиса села на подножку машины, обхватила колени. Холод шёл от земли, от металла, отовсюду, но идти обратно в тепло не хотелось. В тепле надо было снова лежать и думать, а думать она больше не могла — весь запас мыслей на сегодня вышел.

Она просто сидела и смотрела в темноту, где дышала вода. Ни о чём. Впервые за много лет — по-настоящему ни о чём, с пустой головой, как выметенная комната.

И тогда, в эту пустоту, ни с того ни с сего, пришла картинка.

Белый камень. Плоский, большой, у самой воды. И на нём — женские туфли. Не брошенные, не забытые в спешке — поставленные ровно, аккуратно, носками к воде, как ставит тот, кто отошёл на минуту и сейчас вернётся.

Только за ними никто не вернулся.

Они так и стояли на камне, а вода внизу шла и шла, и что-то большое уже уносило её саму прочь от этого камня — всё дальше, медленно и неотвратно, — а она ничего не могла сделать, только смотреть, как камень становится меньше. И хуже всего было даже не то, что туфли остались там. А то, что никто, кроме неё, не заметил, что их нет.

Она не знала, откуда это. Не помнила такого места, такого дня. Не было в её жизни ни белого камня, ни воды, ни этих туфель. И всё же картинка пришла так ясно, будто она там была — стояла и смотрела, как уходит берег, и внутри было пусто и холодно, как бывает, когда тебя не подождали.

Алиса моргнула, и картинка ушла. Осталось только чувство — тонкое, ноющее, без имени. Будто она когда-то что-то потеряла, очень давно, ещё до того, как научилась помнить, и так и не нашла, и даже забыла, что искала. Чувство было старше её самой. Она не понимала его — и всё-таки узнавала, как узнают запах, которого не слышали с детства.

Она сидела на подножке, смотрела в темноту, где шумела вода, и не понимала, почему ей хочется плакать.

Она закрыла глаза и попыталась вернуть картинку — белый камень, туфли. Хотелось разглядеть подробнее: чьи, какие, что за место. Но камень не приходил. Как будто показали на секунду и отняли, и чем сильнее она тянулась вспомнить, тем дальше оно уходило.

Осталась только темнота и ровный шум воды в ней — вдох и выдох, вдох и выдох, будто где-то там, в черноте, дышал кто-то большой и спокойный, кому не было до неё никакого дела.

Алиса просидела так до серого света. Ни одной мысли она додумать не смогла — они начинались и гасли, как тот камень. Только одно осталось твёрдым, когда небо на востоке начало светлеть: назад дороги нет. Не потому что заперли. Потому что там пусто. Оставалось идти вперёд — в темноту, которая хотя бы её собственная.

Марк нашёл её на подножке перед рассветом.

Он не спросил, почему она не спит и сидит на холоде. Посмотрел на её лицо, на выключенный телефон в руке — и всё понял без слов. Вынес спальник, накинул ей на плечи. Постоял рядом.

— Замёрзли, — сказал он. Не вопрос.

— Немного.

— Сейчас поедem. В машине теплее.

Он не стал спрашивать, куда она звонила и что ей ответили. Не стал утешать, объяснять, говорить, что всё наладится. Просто дал ей спальник и время встать самой. И это было единственное, чего Алиса сейчас смогла бы вынести. Мать сказала бы «я же говорила». Ник сказал бы «успокойся». Марк не сказал ничего — и от этого впервые за ночь стало легче дышать.

Взошло солнце. Роса на траве вспыхнула и стала таять. Где-то там, за спиной, у выключенного телефона в кармане, осталась вся её прежняя жизнь — сорок семь пропущенных, свадьба, платье, квартира с чашками ручками в одну сторону. Она не оборачивалась на неё. Не потому что не тянуло. А потому что там, она теперь знала точно, её больше нет.

Осталось идти вперёд. В неизвестное, которое хотя бы её собственное.

Алиса поднялась, поплотнее закуталась в спальник.

— Поехали, — сказала она. — Пока я снова не начала думать.

Марк усмехнулся — коротко, впервые за утро, — и пошёл к машине.

Они шли по мокрой траве, и впервые за эти дни она не догоняла его. Они шли рядом, шаг в шаг, и две цепочки следов тянулись за ними к дороге, где ждал третий дом. А белый камень с туфлями остался где-то позади, в темноте, — непонятый, неназванный, тихо ждущий своего часа.

Глава 6. Конфликт

Третий дом стоял в низине, среди старых яблонь, и в нём горел свет.

Алиса поняла это ещё с дороги и сначала обрадовалась — впервые за три дня дом был живой, не пустой. Из трубы шёл дым. У крыльца стояла машина, детский велосипед лежал на боку в траве. На верёвке между яблонями сохло бельё — простыни, чьи-то рубашки, маленькие носки. Где-то за домом лаяла собака, лениво, для порядка.

После двух мёртвых домов — того, с проёмами вместо окон, и того, запертого на двадцать лет, — этот дышал. В нём топили, стирали, растили ребёнка. Пахло, наверное, кашей и мокрым бельём. Обычный дом, каких тысячи, и оттого особенно тёплый на фоне серого утра и пустой дороги.

Она повернулась к Марку, чтобы сказать «смотрите, тут живут», — и осеклась.

Марк смотрел на дом так, будто его ударили.

Он остановил машину далеко, у поворота, хотя можно было подъехать ближе. Заглушил мотор. И не двинулся. Руки остались на руле, костяшки побелели.

— Здесь кто-то живёт, — сказала Алиса осторожно.

— Да, — сказал он. Голос был чужой, севший.

— Это плохо?

Он не ответил. Он смотрел на бельё между яблонями, на детский велосипед, на дым из трубы, и Алиса впервые видела его таким — не спокойным, не закрытым, а как человек, который приехал на могилу, а там танцы.

— Раньше он был её, — сказал наконец Марк. — Третий. Она построила его и, как всегда, бросила недоделанным. Потом дом продали. Купили эти, лет десять назад. Не знают ничего — ни про неё, ни про меня, ни про восемь домов. Для них это просто дом с яблонями, который достался дёшево, потому что был брошен.

Он вышел из машины. Достал камеру. Но снимать не стал — стоял у дороги, за деревьями, чтобы из дома не увидели, и смотрел.

Из дома вышла женщина с тазом мокрого белья, стала развешивать. Простая, немолодая, в халате поверх домашнего. За ней выбежал мальчишка лет шести, что-то крича, обежал вокруг яблони и скрылся за углом. Женщина прикрикнула — беззлобно, привычно, не отрываясь от белья. Обычное утро. Обычная жизнь, которая идёт в этом доме уже десять лет и ничего не знает о той, что его построила.

Марк смотрел на это, и Алиса видела, как ему больно. Не остро — а той тупой, застарелой болью, которую носят годами и уже почти не замечают, пока не ткнут.

Он вернулся к машине, сел, но мотор не завёл. Достал камеру, положил на колени, не снимая. Просто держал.

Алиса посидела с ним рядом, потом не выдержала. Ей надоело смотреть на чужую жизнь из-за деревьев, как вор. Если Ева строила этот дом, если Марк восемь лет к нему шёл — надо подойти, а не подглядывать.

— Я схожу, — сказала она.

— Куда? — Марк вскинулся. — Не надо.

— Я не буду говорить про Еву. Просто спрошу воды. Обычная женщина спросит воды, ничего страшного.

Она вышла раньше, чем он успел возразить.

Дорожка к дому шла между яблонь. Вблизи дом был ещё теплее, чем издалека, — облупленный, обжитой, с геранью на подоконнике и парой резиновых сапог у крыльца. Женщина, развешивавшая бельё, обернулась на скрип калитки, посмотрела без страха, но с вопросом.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Простите. Мы едем мимо, машина... можно воды?

— Отчего же нельзя. — Женщина вытерла руки о халат, ушла в дом и вынесла бутылку, ещё холодную, из холодильника. — Далеко едете?

— Далеко. — Алиса взяла воду. — Хороший у вас дом. Старый?

— Да лет двадцать пять, поди. Мы вторые хозяева. Первая-то хозяйка чудная была, говорят. — Женщина понизила голос, хотя вокруг никого. — Построила и не жила. Так и стоял пустой, пока мы не купили. Соседи сказывали — она вроде и другие дома так строила, по всей области. Настроит и бросит. Больная, что ли. — Она пожала плечами. — А дом хороший. Крепкий. Нам достался за копейки. Дети вон растут.

Алиса кивнула. За спиной женщины, в глубине двора, мальчишка возил палкой в луже, и было в этом столько простого, живого, ничьего, что у неё сжалось горло.

— Спасибо за воду, — сказала она. — У вас правда хорошо.

— Да чего там. Езжайте с богом.

Алиса пошла назад между яблонь. Обернулась один раз: женщина уже забыла про неё, снова вешала бельё, и дом стоял за ней — тёплый, кривоватый, живой. Дом, который Ева бросила как неудачу, а он взял и стал чьим-то домом. Просто потому, что в него пришли и остались.

Она села в машину, поставила бутылку в держатель.

— Ну что, — сказал Марк глухо. — Что она сказала?

— Что первая хозяйка была чудная. Строила и не жила. — Алиса смотрела прямо перед собой. — И что дом хороший. Крепкий. Достался за копейки.

Марк молчал. Желваки ходили под скулами. Восемь лет он носил Еву как незажившую рану — а для чужих людей она была просто «чудная тётка, которая настроит и бросит». Больная, что ли. Дом за копейки.

И вот тут, глядя на его лицо, Алиса перестала жалеть его и разозлилась. Не на женщину. На него.

Потому что чужая женщина за пять минут рассказала ей о Еве больше, чем Марк за три дня. Больная, чудная, строила и бросала — пусть грубо, пусть неправда, но хоть что-то. А он, который знал настоящую Еву, молчал и отгораживался своим вечным «не сейчас».

— Кто она была? — спросила Алиса. — По-настоящему. Не «чудная тётка». Кто?

— Не сейчас.

— Вы всё время говорите «не сейчас».

— Потому что сейчас не время.

— А когда время? — Она повернулась к нему всем телом. — На восьмом доме? Вы открываете коробку на восьмом, говорите про неё на восьмом, — а до тех пор я просто еду рядом и молчу, да? Попутчица, которой можно не объяснять?

Он не ответил, и это её добило.

— Я вам всё рассказала, — сказала она, и голос дрогнул от обиды. — Всё. Про Ника, про мать, как я ночью чуть не сбежала обратно. Я перед вами голая сижу третий день. А вы — стена. Красивая, вежливая стена: чай нальёт, куртку накинёт, стакан пододвинет — и молчит. Знаете, что это? Это то же самое, что делал Ник. Он тоже был идеальный. Заботливый. И меня в упор не видел. Я сбежала от одного человека, который меня не видит, — чтобы три дня ехать с другим?

Это было жестоко, и она это знала. Но это было честно, и она устала быть нечестной.

— Вы можете выйти в любой момент, — сказал он глухо. — Я отвезу вас, куда скажете.

— Опять! — Она почти крикнула. — Опять «я отвезу вас». Это не ответ, это дверь, которую вы мне показываете каждый раз, когда я подхожу слишком близко. Вам удобнее отвезти меня, чем сказать одну честную вещь.

Марк молчал. Желваки ходили под скулами.

— Хорошо, — сказала Алиса тихо. Злость вдруг ушла, осталась усталость. — Не говорите. Только тогда высадите меня на трассе. Я не поеду дальше с человеком, который меня не видит.

Она взялась за ручку двери.

— Стойте.

Она замерла.

Марк смотрел не на неё — вперёд, на дорогу, на чужой дом за деревьями. И заговорил — медленно, с трудом, будто каждое слово доставал из глубокого колодца.

— Её звали Ева, — сказал он.

Впервые за три дня он произнёс имя. Оно повисло в машине, и Алиса не шевельнулась, боясь спугнуть.

— Я ведь раньше другое снимал, — сказал он неожиданно. — До неё. Свадьбы, детей, людей. Живое. У меня хорошо выходило — говорили, я умею поймать момент, когда человек забывает, что его снимают, и становится настоящим. Я любил это. Лица, руки, как мать смотрит на ребёнка. — Он помолчал. — А потом встретил Еву и восемь лет снимал пустые стены. Странно, да? Был при самом живом человеке, какого знал, — и разучился снимать живое. Потому что она не давала себя поймать. Отворачивалась от объектива, как от меня. И я привык снимать то, что не отворачивается. Дома. Стены. Пустоту. Пустота хотя бы честная — она не притворяется, что впустит.

Он снова замолчал.

— Она строила эти дома всю жизнь. Я вам говорил. Чего я не говорил — что я был при ней. Долго. Дольше всех. — Он усмехнулся, но глаза остались тёмными. — Она не пряталась от чужих, Алиса. Она пряталась от меня. От тех, кто ближе всех. Строила дом, доводила почти до конца — и запиралась в нём. От меня. А я стоял снаружи и стучал.

Он замолчал. Алиса не дышала.

— Знаете, как это было? Каждый раз одинаково. Она находила место, загоралась, звала меня: смотри, вот здесь будет наш дом. Наш. Я верил. Помогал. Таскал, держал, светил фонарём по ночам, когда ей не спалось. И каждый раз, когда дом почти готов, когда уже можно вешать занавески и жить, — с ней что-то делалось. Она замолкала. Смотрела на готовые стены, как на клетку. И в одно утро я просыпался, а её нет. Записки нет. Только новый адрес где-нибудь потом, через месяц. Другой город, другое место, и всё сначала: смотри, вот здесь будет наш дом.

— Восемь раз, — прошептала Алиса.

— Восемь раз. — Он кивнул. — Восемь домов, восемь «наших», восемь запертых дверей. Я всё думал: что со мной не так? Почему её нельзя удержать? Что нужно сделать, каким стать, чтобы она наконец осталась? — Он сжал руль. — Мне в голову не приходило, что дело не во мне. Что она бежала не от меня. Она бежала от самой мысли остаться. Достроить — значило впустить. Впустить — значило, что тебя увидят целиком, со всем, что внутри. А этого она боялась больше всего на свете. Легче было бросить готовый дом и начать пустой, где ещё можно спрятаться за стройкой.

Он посмотрел на чужой дом за деревьями.

— А потом она умерла. Одна. В восьмом доме, которого я тогда ещё не нашёл. — Он наконец повернулся к Алисе, и во взгляде было столько давней, устоявшейся вины, что она отвела глаза. — Мне сообщили через чужих людей. Дали адрес и коробку с вещами. Я приехал — дом заперт, она внутри, восемь лет как. Я опоздал на всю её жизнь. Восемь лет простоял под дверьми — а когда последняя открылась, там уже некого было впускать.

Он отвернулся.

— Вот кто она была. Теперь вы знаете больше, чем кто-либо за восемь лет. Довольны?

Слово вышло злым, но Алиса услышала под ним не злость — стыд. Он показал ей то, что не показывал никому, и теперь ненавидел себя за то, что показал.

Она не стала торопиться с ответом. Просто сидела рядом, в чужой машине, у чужого дома, где на верёвке сохли чужие простыни, — и понимала, что впервые за эти дни между ними нет стекла.

— Я не «довольна», — сказала она тихо. — Я вам благодарна. Это разные вещи. — Она помолчала. — И знаете что? Вы говорите, что не смогли её удержать. А по-моему, её нельзя было удержать. Никем. Вы стучали в дверь, которую она заперла изнутри и выбросила ключ. Это не вы не сумели. Это она не впускала. Вы просто оказались тем, кто дольше всех стучал.

Марк молчал долго. Потом сказал — очень тихо, не глядя на неё:

— За восемь лет мне этого никто не сказал.

— Значит, я скажу ещё раз. Вы не виноваты, что она пряталась. Виноват только тот, кто прячется.

Он ничего не ответил. Но плечи у него чуть опустились — будто с них сняли что-то, что он нёс один все эти годы.

Они не поехали сразу. Сидели молча, смотрели, как в чужом доме идёт жизнь: женщина досушила бельё, мальчишка снова пробежал через двор, следом за ним — вторая, поменьше, в резиновых сапожках не по размеру. В окне кухни зажгётся свет, потом мелькнула фигура — кто-то накрывал на стол. Завтрак. Обычный завтрак в доме, который Ева бросила недостроенным.

— Знаете, что самое странное? — сказал Марк. — Она бросила этот дом, потому что он ей не удался. Помню, злилась: планировка не та, свет не так падает, крыльцо криво село. Хотела всё переделать, а потом махнула рукой и уехала. Для неё это был брак, неудача. — Он смотрел на окна. — А он оказался единственным из восьми, где кто-то живёт. Все остальные стоят пустые — идеальные, запертые, мёртвые. А этот, кривой, недоделанный, с не тем светом, — ожил. Потому что пришли люди, которым было всё равно, идеально или нет. Им нужен был не идеальный дом. Им нужен был дом. Они просто стали в нём жить.

Алиса смотрела на бельё между яблонями, на маленькие носки, качающиеся на ветру.

— Может, дом и оживает только так, — сказала она. — Когда перестают доводить его до идеала и начинают в нём жить. Идеальный дом никого не впускает. Как ваша Ева. А этот впустил — потому что был неправильный, с щелями. В щели и входит жизнь.

Марк повернулся к ней. Что-то в его лице переменялось — он услышал, что она сказала не только про дом. И не только про Еву. Про неё саму — которая всю жизнь строила себя идеальной и оттого пустой. И, может быть, про него — который восемь лет доводил до совершенства своё горе, шлифовал его, объезжал по кругу восемь домов, и не пускал внутрь никого, кто мог бы это горе разделить.

— Вы поэтому не заходите в дома, — тихо сказала Алиса. Не вопрос — она вдруг поняла. — Не потому что «снаружи честнее». А потому что внутри придётся остаться. А остаться — это как впустить. Вы такой же, как она. Строите себе идеальную дистанцию и живёте на пороге.

Марк долго молчал.

— Возможно, — сказал он наконец. И это «возможно» стоило ему больше, чем вся исповедь.

Они помолчали ещё.

— Поехали, — сказала Алиса наконец. — К четвёртому. Пока эти люди не вышли и не спросили, чего мы тут стоим и палимся на их бельё.

Марк усмехнулся — коротко, но по-настоящему, впервые за утро. Завёл мотор.

И перед тем как тронуться, сделал то, чего не делал раньше: протянул руку назад, взял с сиденья коробку из-под обуви — ту, с вещами Евы, — и переставил её вперёд, к ногам Алисы.

— Подержите, — сказал он. — Только не открывайте. Рано. Просто пусть будет у вас, а не сзади.

Это не было объяснением. Но это было доверие — то самое, которого он не давал никому восемь лет. Восемь лет коробка ездила за его спиной, куда он не мог заглянуть, не разбившись. Теперь он отдавал её женщине, которую знал четыре дня, — и это говорило больше, чем вся его исповедь.

Алиса приняла коробку на колени, обхватила руками. Она была лёгкая, почти пустая на вес, и что-то внутри тихо сместилось, когда её наклонили. Алиса не стала спрашивать, что там. Она уже поняла главное правило Марка: он откроет, когда сможет. Не раньше.

Машина тронулась. Третий дом остался в низине, среди яблонь, живой и чужой, — единственный из восьми, куда пришли люди и просто стали жить, не спрашивая, идеально ли.

Алиса держала коробку на коленях и смотрела вперёд, где дорога уходила к четвёртому дому. Она больше не ехала мимо чужой жизни. Она держала её на руках.

Глава 7. Без дверей

Четвёртый дом они искали полдня.

Утро после третьего дома вышло тихим. После вчерашней ссоры и исповеди между ними стояло что-то новое — не неловкость, а осторожность, с какой держат едва склеенную вещь. Марк вёл машину и молчал, но молчал иначе, чем раньше: не отгораживаясь, а будто отдыхая от того, что вчера вынес наружу. Алиса держала на коленях коробку Евы — он так и не забрал её назад — и смотрела, как за окном лес сменяет поля.

Коробка была лёгкая. Всю ночь на заправке, где они спали, Алиса чувствовала спиной её угол и боролась с желанием заглянуть. Не заглянула. Марк сказал «рано» — и в этом «рано» было доверие, которое она не хотела обмануть даже любопытством. Но иногда, на повороте, что-то внутри коробки мягко смещалось, стучалось о картон — не тяжёлое, не металл. Что-то, что можно уместить в обувную коробку и возить восемь лет, не открывая. Она перебирала в уме, что это может быть, и не находила ответа. Письма? Фотографии? Что человек прячет от себя восемь лет?

Координаты с обратной стороны фотографии вели в никуда. Навигатор довёл их до развилки в лесу и сдался — дальше дороги не было, только две колеи, заросшие травой посередине. Марк выбрал левую наугад. Она уткнулась в поваленное дерево. Он сдал назад, свернул на правую. Та вывела к заброшенной пилораме, ржавой и пустой.

— Вы уверены, что он вообще существует? — спросила Алиса.

— Нет, — сказал Марк. — Про этот я всегда был не уверен. Фотография есть, а места я так и не нашёл за восемь лет. Каждый раз координаты приводят не туда — то в поле, то в реку, то вот в такую глушь. Я думал, она ошиблась, когда переписывала цифры.

— А теперь?

— А теперь с нами вы. — Он покосился на неё. — Вы читаете то, что она писала, лучше меня. Может, в этот раз найдём.

Это было почти признание, и Алиса отметила его про себя, но виду не подавала.

— У Евы не было ошибок, — добавил Марк, глядя на дорогу. — Ни в одном доме. Если она написала эти координаты, дом там. Просто он не хочет находиться.

Алиса взяла фотографию из бардачка, перевернула. «Четвёртый», и под ним — та же торопливая рука, тот же нажим, что продавливал бумагу. А ниже, в самом углу, чего она раньше не замечала, стояла ещё одна пометка, мелко, будто дописанная позже и другим настроением: «без дверей».

— Тут написано «без дверей», — сказала она.

Марк остановил машину.

— Что?

— В углу. Мелко. «Четвёртый. Без дверей».

Он взял фотографию, долго смотрел. Потом перевёл взгляд на сам снимок — на дом. И Алиса вместе с ним увидела то, что не бросалось в глаза, пока не прочтёшь подпись: у дома на фотографии не было ни одной двери. Окна были — восемь штук, ровным счётом. Крыльцо было. А проёма для входа — не было нигде. Глухие стены со всех сторон, ровная кладка, целая, без единого разрыва.

— Дом, в который нельзя войти, — тихо сказала Алиса.

Она смотрела на снимок, и по коже прошёл холодок. Не страх — что-то тоньше. Дом на фотографии был красив и спокоен, залит тем же утренним светом, что и все её дома. И этот спокойный, светлый, наглухо закрытый дом чем-то напоминал ей саму себя — ту, прежнюю, до крыши. Снаружи всё в порядке: окна, свет, аккуратный фасад. А войти нельзя. Двери нет.

Дом нашла Алиса.

Марк уже готов был сдать — солнце клонилось, лес густел, координаты в третий раз вывели не туда. Он предложил вернуться на трассу и заночевать, а искать утром. Но Алиса попросила остановиться на пригорке.

Она вышла, поднялась чуть выше и стала смотреть на лес не так, как смотрят на лес, — а так, как читала местность на работе. Не «где деревья», а «где их нет». Не «что растёт», а «что мешает расти». Пятнадцать лет она искала на планах место под фундамент: ровную площадку, уклон, то, как ложится вода, где встанет дом. Глаз сам находил такие места.

И она нашла. Метрах в трёхстах, ниже по склону, лес вдруг делался ниже и реже — не потому что вырубili, а потому что под ним что-то было, что не давало деревьям встать в полный рост. А между стволами, поймав низкое солнце, коротко блеснуло стекло.

— Там, — сказала она, показав рукой. — Дом стоит там. Видишь, как лес просел? Под ним фундамент.

Марк посмотрел туда, куда она показывала, и долго не мог различить ничего. Потом различил.

— Восемь лет, — сказал он тихо. — Восемь лет я искал этот дом по цифрам. А вы нашли его по тому, как растут деревья.

— Дома видно по тому, чего вокруг них нет, — сказала Алиса и сама удивилась, до чего это похоже на всё остальное в её жизни.

Дом стоял в лесу, куда не вела ни одна дорога. Небольшой, аккуратный, из светлого кирпича. Окна целые. Крыша целая. Он не был разрушен — он был просто заброшен так давно, что лес подошёл к самым стенам и оплёл их плющом и молодыми берёзками, проросшими вплотную. И, как на фотографии, у него не было двери.

Подходя, Алиса всё ждала, что дверь всё-таки покажется — с той стороны, которую не видно, за углом. Не показалась. Она обошла дом дважды, медленно, ведя рукой по кирпичу. Марк шёл следом, не отставая, будто здесь ему было не по себе одному.

Четыре стены. Восемь окон, по два на каждую сторону, ровные, симметричные. Крыльцо с северной стороны — три ступени, площадка, — ведущее к глухой кладке. Ступени есть. Площадка есть. А входа нет. Кто-то сложил крыльцо перед стеной, аккуратно, всерьёз, будто дверь собирались прорубить потом и забыли. Или не собирались вовсе.

— Как сюда входили? — спросила Алиса.

— Никак. — Марк тронул холодный кирпич. — Похоже, никак.

— Тогда зачем крыльцо?

Он не ответил. Алиса присела у ступеней, провела рукой по кладке за ними. Ровная, глухая, без единого шва, который выдал бы заложённый проём. Она знала, как выглядит замурованная дверь: кирпич другого замеса, чуть иной цвет, линия по краям. Здесь этого не было. Дверь тут не заложили потом. Её тут никогда и не было. Дом построили закрытым, с самого начала, по замыслу.

Она отступила и посмотрела на него целиком — светлый, целый, слепой дом в лесу, куда нельзя войти. И ей стало по-настоящему не по себе. Первые три дома были печальные, но понятные: недострой, идеальная пустота, чужая живая жизнь. А этот был не печальный. Он был неправильный. Как загадка, у которой нарочно убрали ответ. Как фраза, оборванная на середине. Дом, построенный, чтобы в него нельзя было войти, — это не ошибка строителя. Это чей-то ответ на что-то. Только вопрос потерялся.

— Я лазила в подпол второго дома, — сказала Алиса. — Может, и тут есть лаз. Не строят же дом совсем без входа.

Они искали вместе, обошли фундамент по кругу, разгребли листья и валежник у стен, простукали нижние ряды кирпича. Ничего. Ни отдушины, ни подпола, ни отогнутой доски, ни

продуха. Дом был запечатан наглухо — со всех сторон, снизу и сверху. Внутри не вёл ни один ход. Ни для человека, ни для кошки.

— Он не заброшенный, — вдруг поняла Алиса, выпрямляясь. — Заброшенный — это когда бросили жильё, где кто-то жил. А тут никогда не было жилья и не могло быть. Дом построили как коробку. Красивую, светлую, с восемью окнами. И запечатали. Строить дом, в который сам не сможешь войти, — это надо очень не хотеть, чтобы кто-то вошёл.

Марк смотрел на неё странно.

— Что? — спросила она.

— Ничего, — сказал он. — Просто вы за час поняли про этот дом больше, чем я за восемь лет, пока искал к нему дорогу.

Они заглянули в окна.

Внутри было пусто — как везде. Голый пол, голые стены. Свет проходил насквозь, из окна в окно, ничем не задержанный. И в этой пустоте, ровно посреди комнаты, стоял стол.

Один-единственный предмет на весь дом. Простой деревянный стол, крепкий, не старый. Он не мог тут стоять — дом запечатан наглухо, внутрь не пронести и табуретки. А стол стоял. И на нём — Алиса прижалась лбом к стеклу, отгородилась ладонями от закатного света, — лежал лист. Плотный, свёрнутый когда-то в трубку и развёрнутый, придавленный по углам четырьмя тёмными камешками.

— Там чертёж, — сказала она. — На столе. Как во втором доме конверт.

Марк подошёл к соседнему окну, всмотрелся. Лицо его застыло.

— Опять он, — сказал глухо.

— Кто?

— Тот, кто идёт впереди. — Марк отступил от окна, огляделся — на деревья, на землю, на глухие стены. — Ты понимаешь, что это значит? В дом без входа кто-то внёс стол. И положил на него свежий чертёж. В дом, куда физически нельзя войти. Как?

У Алисы похолодело внутри. Она вспомнила след у второго дома — рифлёный протектор, чужую подошву, вдавленную глубже, чем нужно, будто человек стоял и ждал. Она отошла от окна и стала обходить дом медленно, глядя под ноги, под свесы крыши, где земля оставалась влажной и мягкой.

У северной стены, под крыльцом, которое вело в никуда, она увидела его снова.

Тот же отпечаток. Тот же рисунок протектора. Свежий — края не осыпались, на дне стояла вода после ночного дождя, которого днём уже не было.

— Марк, — позвала она, и голос сел. — Он был здесь. Недавно. Тот же ботинок, что у второго дома.

Марк подошёл, присел над следом, не касаясь. Долго молчал. Лес вокруг стоял тихий, тёмный, без единой дороги — и от этой тишины делалось только тревожнее: как этот человек сюда добрался? Пешком? Откуда? Куда ушёл?

— Он оставляет чертежи там, куда мы придём, — сказал Марк наконец. — В том порядке, в котором мы идём. Он знает маршрут лучше меня. Знает, что после третьего дома мы придём сюда, именно сегодня. Он идёт не следом за нами. Он идёт впереди и раскладывает то, что хочет, чтобы мы нашли.

— Может, это Ева, — сказала Алиса, сама не веря. — Оставила заранее. По чертежу в каждый дом. Перед смертью.

— Ева умерла восемь лет назад. — Марк тронул край следа пальцем. — А этот отпечаток вчерашний. В нём стоит вода со вчерашнего дождя. Мёртвые не оставляют свежих следов, Алиса.

Он выпрямился, обвёл взглядом лес — тёмный, глухой, обступивший слепой дом со всех сторон. Где-то далеко крикнула птица, и оба вздрогнули.

— Кто-то живой, — сказал он тихо, — ходит по домам Евы. Знает про них всё — порядок, координаты, имена. Ходит раньше нас. И хочет, чтобы мы шли за ним, дом за домом. Иначе зачем оставлять чертежи именно нам?

— А может, не нам, — сказала Алиса. — Может, он оставляет их себе. А мы просто идём по его следу, как он — по её.

Марк посмотрел на неё. Эта мысль ему в голову не приходила, и она ему не понравилась — Алиса увидела это по лицу.

В дом они так и не попали.

Марк не стал бить окно — «я их не вскрываю», всё то же правило, — а другого пути не было. Чертёж остался лежать на столе, за стеклом, недостижимый, придавленный по углам. Алиса разглядела только, что это план дома — но не этого. Другого. С дверьми, с комнатами, с лестницей. Дом, полный входов, нарисованный и оставленный в доме, у которого входа нет.

— Он показывает нам противоположность, — сказала Алиса, отходя от окна. — Дом без дверей — а внутри чертёж дома, в который можно войти отовсюду. Как будто говорит: вот этот заперт, а вот такой мог бы быть.

Марк посмотрел на неё.

— Вы говорите как она, — сказал он тихо. — Ева тоже читала дома, будто они разговаривают.

Алиса не знала, комплимент это или тревога. По лицу Марка было не понять.

Смеркалось. Лес вокруг слепого дома темнел, и оставаться здесь на ночь не хотелось ни ей, ни ему. Они вернулись к машине. Марк завёл мотор, но не тронулся сразу — сидел, глядя на дом между деревьями, светлый в сумерках, с одним столом и одним чертежом внутри, куда не войти.

— Четыре дома, — сказал он. — Первый — пустой. Второй — идеальный и запертый. Третий — чужой и живой. Четвёртый — вообще без входа. Восемь лет я думал, что просто собираю её след. А выходит, каждый дом — это она сама. Разная. По кусочку.

— И какой кусочек этот? — спросила Алиса, кивнув на слепой дом.

Марк долго смотрел.

— Тот, в который она не пускала никого, — сказал он. — Даже меня. Дом без дверей. Она вся была такая. Снаружи всё есть — окна, свет, крыльцо. А войти нельзя. Двери нет.

Алиса молчала. Она смотрела на слепой дом, тающий в сумерках, и думала, что знает этот дом изнутри — потому что сама была им долгие годы. Снаружи у неё тоже всё было: работа, жених, квартира, платье, улыбка на семейных ужинах. Восемь окон, свет, крыльцо. А двери не было. Никто не мог войти — ни Ник, ни мать, ни она сама. Она заперла себя так давно и так тщательно, что забыла, где был вход, и жила в собственном доме через окно, глядя на свою жизнь снаружи.

Разница была только одна. Ева достроила свой дом без дверей и умерла в нём одна. А у Алисы дверь, кажется, только что появилась — на крыше, четыре дня назад, когда она полезла вверх в свадебном платье, сама не зная зачем.

— Я знаю этот дом, — сказала она тихо.

— Откуда? — не понял Марк.

— Неважно. Знаю.

Он посмотрел на неё — и, кажется, понял, что она сказала не про кирпич. Не стал переспрашивать.

Он тронул машину. Дом остался в темнеющем лесу — светлый, слепой, с чужим свежим следом у стены и чертежом чужого дома на единственном столе.

Алиса держала на коленях коробку Евы и молчала. Ей было тревожно — не от леса, не от темноты. От двух вещей сразу. От мысли, что где-то там, впереди, по домам мёртвой женщины

идёт кто-то живой, кто знает больше, чем они, и ждёт их у следующего дома. И от того, что она узнала себя в доме, куда нельзя войти, — и не знала, радоваться ли, что у неё теперь есть дверь, или бояться того, кто в неё войдёт.

— Марк, — сказала она, когда лес остался позади и снова пошло открытое поле. — А если мы его встретим? Того, кто впереди.

Марк смотрел на дорогу. Фары выхватывали из темноты пустое шоссе, уходящее к пятому дому.

— Тогда узнаем, — сказал он, — зачем ему, чтобы мы дошли до конца.

И оба замолчали, каждый думая о своём: он — о том, кто мог знать Еву так же близко, как он; она — о доме без дверей, в котором прожила всю жизнь и из которого только-только начала выходить.

Глава 8. После неё

К пятому дому ехали дольше обычного — он стоял далеко от всех, на отшибе, будто нарочно спрятанный.

Всю дорогу Марк был непривычно тих. После дома без дверей и чужого следа в нём что-то настроилось на тревожную ноту, и он то и дело поглядывал в зеркало — не потому что боялся Ника, а будто высматривал того, другого, кто шёл впереди и оставлял открытые двери. Алиса держала на коленях коробку Евы. За ночь она привыкла к её лёгкому весу, к тому, как что-то внутри тихо перекачивается на поворотах, и уже почти не думала о запрете заглянуть — просто везла её, как везут доверенное.

— Пятый называется «После неё», — сказал Марк, сверившись с оборотом фотографии. — Так она подписала. Не «пятый дом». А «После неё». Я всегда думал, что это она про свою смерть. Что после неё останется.

— А теперь?

— А теперь не знаю. — Он свернул с шоссе на просёлок. — В последнее время я вообще перестал понимать, что она имела в виду. Кажется, я знал её меньше, чем думал.

Просёлок оказался не тот.

Они поняли это через двенадцать километров, когда упёрлись в шлагбаум и табличку с надписью, что дальше карьер и проезда нет.

Марк остановился и посмотрел на фотографию. Потом на дорогу. Потом опять на фотографию.

— Мы не туда свернули, — сказала Алиса.

— Мы туда свернули.

— Марк, тут карьер.

— Карьера тут не было.

— Он тут лет тридцать, — сказала Алиса. — Вон отвал, он зарос. Так за год не зарастает. Марк подержал паузу.

— Возможно, — сказал он и стал разворачиваться.

Разворачивался он долго, в пять приёмов, потому что дорога была узкая, а сзади уже стоял мужик на тракторе и наблюдал.

— Он на нас смотрит, — сказала Алиса.

— Пусть смотрит.

— Он тебе сейчас что-нибудь скажет.

Мужик ничего не сказал. Он просто посидел, дождался, пока они развернутся, и уехал в сторону карьера — не спеша, как человек, у которого впереди целый день таких зрелищ.

Обратно ехали двадцать минут.

Марк включил радио — впервые за пять дней.

Радио поймало станцию, где играло что-то очень старое, с духовыми, и Алиса, не подумав, сказала:

— Ой, выключи.

— Почему?

— Это ужас.

— Это не ужас, — сказал Марк. — Это хорошая песня.

— Это песня, под которую в санатории танцуют.

— Я под неё женился бы, если бы женился.

Алиса повернулась к нему.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Она посмотрела на приёмник, потом на него, и не стала выключать.

Песня доиграла до конца. Потом началась другая, ещё хуже, и вот эту Марк выключил сам.

На заправке они простояли сорок минут вместо десяти.

Сначала не работал терминал, потом работал, но не принимал его карту, потом принял — а к тому времени Алиса уже сходила в магазинчик и вернулась с двумя стаканами кофе и пакетом сушек, потому что больше там ничего не было.

Кофе был отвратительный.

— Это не кофе, — сказала она, попробовав.

— Это заправка.

— Марк, это вода с землёй.

— Ты пей, — сказал он. — На следующей будет хуже.

Они пили эту воду с землёй, стоя у машины, и ели сушки, которые оказались мягкими и оттого ещё более печальными.

Мимо проехала фура и обдала их ветром.

Алиса вдруг рассмеялась.

Марк посмотрел на неё поверх стакана и тоже усмехнулся.

— Что?

— Ничего, — сказала она. — Просто мы четвёртый день ищем мёртвых людей и стоим на заправке с сушками.

— Так всегда, — сказал Марк. — Между важным всегда сушки. Никто про это не пишет.

Дальше ехали хорошо.

Дорога пошла вдоль поля, солнце сместилось и стало бить сбоку, и трава была той высоты, когда её ещё не косили и она уже пошла в цвет.

Алиса опустила стекло.

Она сидела, положив локоть на дверь, и ветер бил ей в лицо, и она думала, что четыре дня назад стояла в примерочной, а салон был с кондиционером и запахом освежителя.

— Закрой, дует, — сказал Марк.

— Ещё две минуты.

— Простудишься.

— Ещё две минуты, — сказала она, и он не стал спорить, и они ехали так минут двадцать, пока ей самой не надоело.

Он оказался прав больше, чем предполагал.

Пятый дом был единственным, который выглядел так, будто из него только что вышли.

Он стоял на краю маленького городка — последний на улице, дальше начиналось поле. Невысокий, обжитой, с занавесками на окнах и стулом у крыльца. На перилах сохла тряпка. В палисаднике доцветали флоксы, неполотые, но живые. Если бы не тишина и не забитый листвой водосток, можно было решить, что хозяева отлучились в магазин.

— Тут живут, — сказала Алиса.

— Уже нет. — Марк заглушил мотор, но выходить не спешил. — Смотрите на почтовый ящик.

Ящик был набит битком — газеты, реклама, жёлтые квитанции торчали из щели веером. Никто не вынимал их месяца три.

Они подошли. Марк постучал — скорее для порядка, чем всерьёз. Никто не ответил. Он тронул дверь, и она подалась: не заперта.

— Опять, — тихо сказал он. — Открыто.

Алиса вспомнила лаз во втором доме, отогнутую доску, стол в запечатанном четвёртом. Кто-то шёл впереди и оставлял двери открытыми.

Они вошли.

Внутри пахло пылью и остывшим жильём — тем особенным запахом, что появляется, когда дом бросают не разорённым, а живым, со всеми вещами на местах. На кухонном столе стояла чашка. Алиса заглянула — на дне присох тёмный ободок засохшего чая. Рядом лежала раскрытая книга, страницами вниз, будто читавший вышел на минуту и не вернулся. Три месяца назад.

Это было страшнее пустых домов. Пустой дом честен — в нём никого. А этот притворялся, что жизнь ещё идёт: тапки у кровати, полотенце на крючке, календарь на стене, где последняя отметка стояла в конце весны. На плите — чайник. В шкафу — одежда, мужская и женская вперемешку, повешенная, не брошенная. Кто-то жил тут не наездами, а годами, врасстая в дом, как вырастают в брак.

Алиса медленно прошла по комнатам. Она умела читать дома, но обычно читала кирпич, кладку, несущие стены. А этот дом хотелось читать иначе — по вещам, по тому, как они расставлены. Две чашки на сушилке, не одна. Две подушки на кровати, и обе примяты. Женские очки для чтения на тумбочке — и рядом мужские, покрупнее. Двое. Тут жили двое, долго, и один из них был Ева — та самая Ева, которая, по словам Марка, не умела оставаться нигде и ни с кем.

— Здесь жила не Ева, — сказала Алиса наконец. Ей самой не хотелось этого говорить, но она видела то, что видела.

— Почему вы так решили?

— Ева строила и уезжала. Она нигде не жила по-настоящему, вы сами говорили. А тут жили. Долго. Обживались. — Алиса провела пальцем по корешкам книг на полке. — Смотрите: книги зачитанные, с закладками, некоторые дважды. Посуда разная, не из одного сервиза — её покупали годами, по чашке, как живут настоящие люди. Занавески подшиты вручную. Так не живёт тот, кто через месяц уедет. Так живёт человек, который остался. — Она помолчала. — И не один.

Марк молчал. Он стоял посреди чужой гостиной и оглядывался с таким лицом, будто ждал, что сейчас всё объяснится, и боялся этого больше всего на свете.

Алиса пошла вдоль полок. Книги по архитектуре, по садоводству, потрёпанный томик стихов с надорванным корешком. Фотографии в рамках — но не портреты, а виды: дома, стройки, леса, вода. Чьи-то восемь домов, снятые с любовью, не как у Марка — издалека и пусто, — а вблизи, тепло, изнутри жизни. И вдруг, между двумя книгами, она увидела снимок, вставленный не в рамку, а просто заложенный, как закладку между страниц, — так прячут то, на что не могут смотреть каждый день, но и убрать не в силах.

Она вытащила его.

На фотографии была женщина. Немолодая, худая, с коротко стриженными седеющими волосами и очень живыми глазами. Она смеялась, придерживая рукой волосы от ветра. Алиса никогда её не видела — и сразу поняла, кто это.

— Марк, — позвала она.

Он подошёл. Взял снимок. И Алиса увидела, как у него дрогнуло лицо.

— Это Ева, — сказал он тихо. — Здесь ей... лет пятьдесят. Позже, чем я её знал.

— Позже?

— Я не видел её последние годы. Мы... — Он не договорил. — Это уже без меня.

Он смотрел на смеющуюся Еву, и Алиса не мешала. Восемь лет он носил её мёртвой, застывшей, виноватой перед ним. А тут она смеялась — живая, седая, счастливая, придерживая волосы от ветра, — в годы, которых он не знал.

— Я никогда не видел, чтобы она так смеялась, — сказал он вдруг, и в голосе была не ревность, а что-то беспомощное. — За двадцать лет. Она при мне не умела так. Улыбалась — да. Но чтоб вот так, запрокинув голову, чтоб от всей себя... Нет. При мне она всё время была немного как на стройке — сосредоточенная, дальше уже думающая о следующем. Будто со мной нельзя было просто стоять на ветру и смеяться. — Он провёл большим пальцем по краю снимка, не касаясь лица. — А тут — можно. С кем-то — можно.

Алиса молчала. Она понимала, что он сейчас переживает: не то, что Ева умерла, а то, что она была способна на счастье, которого ему не показала. Что дело, может, и правда было не в ней, не в её неумении оставаться, — а в них двоих, в том, что между ними так и не получилось того лёгкого, простого, от чего запрокидывают голову.

— Может, это не про вас, — тихо сказала она. — Может, она с вами была молодая, а к старости просто научилась. Люди меняются. Она дошла до этого поздно — но дошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.